

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

Центр «Петроскандика»
НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского университета

**Европа—Азия:
Проблемы этнокультурных
контактов**

К 300-летию Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург
2002

А. А. Ковалев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХУННУ СОГЛАСНО ДАННЫМ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

В последние годы заметно активизировался поиск археологических памятников хунну [сюнну] до начала экспансии Маодуня [см. обзор: Ковалов, 1996]. Это связано прежде всего с публикацией новых памятников кочевых племен эпохи Чжаньго (V—III вв. до н. э.), обнаруженных на современной китайской территории. Тянь Гуаньцзинь [1997, с. 299—304], Линь Юнь [Lin Yun, 1992; Линь Юнь, 1993], У Энь [1990], С. В. Комиссаров [1988, с. 100—102], Н. В. Полосьмак [1990], Ю. А. Заднепровский [1991], С.-К. Псаррас [Psarras, 1994, 1995, 1996] указывают на сходство различных черт материальной культуры степных племен гунно-сарматского времени и предшествующего периода, однако такое сходство само по себе не может быть принято как свидетельство происхождения исторических хунну [сюнну] как особого этнического образования из определенного района степи [Lin Yun, 1992, p. 7; Линь Юнь, 1993, с. 140]. Выявление этноопределяющих признаков хунну затруднено в связи с тем, что культура хунну ханьского времени имела многокомпонентный характер; под их властью объединились многие племена, жившие к югу и к северу от пустыни Гоби. Примером некорректного подхода к определению собственно хуннских памятников в контексте многоэтнической империи является этническая атрибуция могильника Даодуньцзы в Нинся (средний—поздний период Западной Хань), который, хотя и отнесен китайскими исследователями к эталонным «сюннским» [У Энь и др., 1988, 1990], но по погребальному обряду и облику большинства сосудов резко отличается от известных нам памятников хуннского времени севернее Гоби [Варенов, 1995а, 1995б] и скорее всего оставлен потомками ордосских племен, вошедших в состав хуннского союза. Кроме того, возвышению хунну способствовали инновации в комплексе вооружения «северных племен» на рубеже III—II вв. до н. э., связанные с широким освоением железа. Поэтому искать «прототипы» многих компонентов материальной культуры государства хунну, видимо, просто бессмысленно.

Попытки выявить специфические стороны культуры собственно хунну на позднем материале и обнаружить их в раннем контексте предпринял в последнее время С. С. Миняев [*Миняев*, 1987; *Миняев*, 1998, с. 79—83; *Миняев*, 1985, 1992; *Миняев*, 1996, р. 11]. Ключевым для него является погребальный обряд «рядовых» могил II—I вв. до н. э. [определенной конструкции деревянный гроб в каменном ящике, вытянутое на спине положение костяка], аналогию которому он усматривает в памятниках так называемой «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» раннескифской эпохи. Однако временной разрыв по меньшей мере в 3—4 века между «верхнесяцзядяньскими» и забайкальскими хуннскими памятниками [о датировке памятников так называемой «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» см. напр.: *Цзинь Фэнъи*, 1987; *Ковалев*, 1998; *Wagner, Parzinger*, 1999], отсутствие в маньчжурских каменных ящиках сколько-нибудь похожих на хуннские сосудов не дает возможности пока определить верхнее течение Ляохахэ как прародину хунну. Кроме этого, вызывает сомнение и само определение понятия «каменный ящик», ставшее центральным пунктом в рассуждениях С. С. Миняева. Как и китайские археологи, использующие термин «шигуань му», т. е. «могила с каменной конструкцией», он рассматривает как единое целое и «настоящие» каменные ящики, сложенные из вертикальных плит или горизонтальной каменной кладкой, и могилы с беспорядочной каменно-земляной забутовкой между деревянной рамой [срубом] и стенками ямы. В памятниках Северо-Восточного Китая «настоящие» каменные ящики не имеют внутреннего деревянного гроба [см. напр. *Деревянка*, 1976, с. 212—232], но в Дырестуйском могильнике сюнну, на материалах которого С. С. Миняев основывает свои предположения [*Миняев*, 1998] таких ящиков, составленных из вертикальных плит, только два(!) — могилы 53 и 61; еще три таких ящика имеют внутри деревянную конструкцию (№ 43, 45, 58). Общим для конструкции некоторых могил «верхнего слоя Сяцзядянь» и Дырестуйского могильника можно считать только беспорядочную наброску камней за стенками гроба. Однако сравнивать забутовку с забутовкой по меньшей мере рискованно. Сложно назвать культуру степей Евразии, в погребениях которой не использовался бы этот технический прием. В Северо-Восточном Китае могилы с каменной забутовкой между стенками ямы и стенками деревянной конструкции встречены в большинстве в уезде Нинчэн АР Внутренняя Монголия. Однако эти могилы, на материал которых также ссылается С. С. Миняев, в большинстве своем не имеют прямого отношения к «культуре верхнего слоя Сяцзядянь». В 1992 г., охарактеризовав их типологические особенности, я предложил их предварительно именовать «памятниками типа Наньшаньгэнь» [*Kovalev*, 1992, S. 63—72]. Новые материалы не только подтвердили их типологическую обособленность, но и дали возможность датировать их временем не позже первой четверти VII в. до н. э.; в то же время появились новые аргументы в пользу отнесения этих памятников к наследию племени «шаньжун» [«бэй-

жун»], хорошо известного китайским хронистам в этот период [Ковалев, 1998; Чжун Сук Бэ, 2000, с. 130—133]. Кроме этого, приводимые С. С. Миняевым аналогии [Миняев, 1998, с. 82] территориально не совпадают с регионом прародины хунну, очерченным самим исследователем по материалам письменных источников. К востоку от хунну, согласно приводимым им самим сообщениям «Ши цзи», должны были располагаться до конца III в до н. э. дунху, и если «исконные кочевья» хунну, — с чем согласен С. С. Миняев, — находились севернее Юньжуна и Дай, то именно для дунху остается место там, где были исследованы могильники, на которые исследователь ссылается в подтверждение своей гипотезы.

Представляется, что выделить какие-либо «этноопределяющие» черты материальной культуры «хунну» только на основе поздних (эпохи хуннского государства) материалов принципиально невозможно. Даже если допустить, что нам удалось выявить погребения собственно хунну рубежа нашей эры, отличающиеся чем-то от погребений подвластных им племен, мы не сможем без дополнительных доказательств экстраполировать эти особенности на ранние материалы, поскольку материальная и духовная культура хунну как господствующего этноса могла принципиально отличаться от их культуры до этого периода. Инновации прослеживаются именно — и в первую очередь — в погребальном обряде, почему-то во всех случаях считающемся наиболее консервативным элементом культуры. Так, обычай захоронения погребенного по принципу «гроб в срубе» — не что иное, как «калька» китайского погребального обряда эпохи Чжаньго (наличие «внешнего» и «внутреннего» гроба), тем более что по китайским обычаям земляная яма должна была иметь пологий пандус, который мы видим и в курганах хуннуской знати. Естественно, что хунну копировали обычаи высшего слоя китайского общества, с тем чтобы подчеркнуть свою равнозначность элите ханьской империи.

На мой взгляд, необходимо сначала как можно более точно определить территории, где присутствие хунну засвидетельствовано историческими источниками в «дохуннскую» эпоху (до рубежа III—II вв. до н. э.), затем выяснить, не появляются ли в памятниках этого времени на этих землях те новые элементы материальной культуры, которые затем, в ханьскую эпоху, станут ведущими для культур кочевников, объединенных общим названием «хунну» («сюнну»). Тем самым мы, с одной стороны, подтвердим надежность используемых исторических источников, а с другой — выявим специфические признаки материальной культуры собственно хунну до воцарения Маодуня. Выяснив таким образом местоположение хунну накануне их возвышения, мы сможем затем ретроспективно, с учетом новых материалов, продвигаться далее в поисках хуннуской «прародины».

Нельзя согласиться с утверждением С. С. Миняева о том, что возможности исторических источников в деле поиска прародины хунну исчерпаны [Миняев, 1987, с. 142]. Дело в другом — до сих пор однозначно не установ-

лены все упоминания о хунну, относящиеся к доханьскому периоду. Так как в эпоху Хань зародилось представление о том, что все варварские племена северо-запада были предками хунну, в исторических сочинениях с этого времени слово «сюнну» стало употребляться для обозначения кочевников вообще. Поскольку большинство исторических сведений о хунну известно нам именно в интерпретации ханьских источников, необходимо строго отчленивать все вероятные случаи такого словоупотребления и работать далее только с доказуемыми упоминаниями хунну как особого варварского племени эпох Чжаньго (475—221 г. до н. э.) и Цинь (221—207 г. до н. э.). Это могут быть, во-первых, сообщения ранних (доханьских) источников (в том числе дословно включенные в состав более позднего текста), а во-вторых, отрывки, в которых «сюнну» как особое племя упоминаются в противопоставлении другим варварским народам доханьского времени. Наиболее полная сводка сообщений об истории хунну в доциньскую эпоху приведена в статье Сюн Цуньжуя [*Сюн Цуньжуй*, 1981]. Достоверность ряда исторических источников о ранней истории хунну анализируется в работах Л. А. Боровковой и С. С. Миняева, вышедших на рубеже 90-х годов [*Боровкова*, 1990; *Миняев*, 1990, 1991]. К сожалению, российскими исследователями были привлечены не все письменные упоминания о хунну и их взаимоотношениях с китайскими княжествами, относящиеся к доханьскому времени; в статье Сюн Цуньжуя недостаточное внимание уделяется внутренней и внешней критике приводимых источников; за аксиому принимаются некоторые, на наш взгляд, спорные локализации географических пунктов. В связи с этим представляется необходимым привести как можно более полную критическую сводку сведений о доханьской истории хунну.

Первое определенное упоминание «сюнну» как отдельного племени воспроизведено в сочинении «Шо юань» (глава 1 «Цзюнь дао»): «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: «Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну мчатся во весь опор на лоуфаней...» [*Шо юань*, с. 33; *Сюн Цуньжуй*, 1983, с. 112]. Приведенный отрывок взят из диалога Чжао-вана и Го Вэя, в котором Го Вэй предлагает вану созвать ко двору мудрецов со всех концов Поднебесной. Этот диалог традиционно относят к самому началу пребывания Го Вэя при яньском дворе, т. е. мы можем принять его датировку как 311—310 гг. до н. э. Захват восьми крепостей, о котором идет речь, таким образом мог иметь место в 314—312 гг. до н. э., когда циские войска, воспользовавшись смутой в Янь, вторглись в это княжество, убив его правителя Цзы Чжи. [*ШЦ*, 2, с. 732—733; 5, с. 1556—1557; 7, с. 2268; *Сыма Цянь*, V, с. 87—89; VII, с. 113—114]. Сборник «Шо юань» («Сад высказываний») был составлен известным ученым, компилятором и писателем ханьского времени Лю Сяном (около 79—8 гг. до н. э.), заслугой которого является также составление книги «Чжаньго цэ» («Планы сражающихся царств»). Как пишет Лю Сян, имея доступ к дворцовым книгохранилищам, он использовал тексты

хранящихся там «в беспорядке» ранних сочинений, которые стремился упорядочить и передать без повторов и ошибок. Ученый уделял огромное внимание аутентичности воспроизведения текстов более ранних источников, входящих в его книги. В частности, он описывает методы «двойного сличения» древних текстов, в котором принимают участие два человека, взаимно проверяющих текст оригинала и копии [Васильев, 1968, с. 7—9, 45]. К. В. Васильев разбирает методы работы Лю Сяна применительно к составлению им книги о военно-политической истории «Чжаньго цэ». Однако те же выводы правомерны и для сборника текстов философско-политической проблематики «Шо юань», составленного таким же образом из фрагментов более ранних сочинений, а потому весьма вероятно, что «Шо юань» точно передает текст записей эпохи Чжаньго, включая этноним *сюнну*, который в данном случае не является интерполяцией ханьского времени.

Сюнну здесь показаны как особое племя, противопоставленное племени *лоуфань*. Правитель Янь обеспокоен нападениями *сюнну* на *лоуфаней*. Это может быть связано с тем, что по крайней мере часть *лоуфаней* была союзниками или вассалами Янь.

О нападениях враждебных Янь варваров на *лоуфаней* повествуется в «Чжаньго цэ» (глава 12 «Ци 5», параграф «Су Цинь шо Ци Минь-ван»). Мудрец Су Цинь (или его брат Су Дай — см. ниже), обращаясь к цискому Минь-вану, говорит:

«Некогда (иероглифами «сичжэ» степень древности указанных событий не может быть определена, корректнее было бы перевести их словами «прежде», «в прошлом» [см. ГДХЮЦД, с. 1665]. — А. К.) [царства] Янь и Ци сражались в лабиринте [гор] Хуань. Янь потерпело поражение и потеряло сотысячную армию. Люди [народа] ху (в оригинале — «ху жэнь»), что может обозначать и «варваров» вообще, и представителей одного из племен ху — *линху* или *дунху*; в переводах В. С. Таскина обычно «хусцы». — А. К.) напали на несколько владений *лоуфаней*, [подвластных] Янь (в оригинале — «Янь *лоуфань* шу *сянь*», т. е. «[входящие в] Янь несколько уездов *лоуфаней*»; это весьма существенно, так как использование слова «сянь» [уезд] — административной единицы в срединных государствах — однозначно говорит о включении неких территорий, заселенных *лоуфанями*, непосредственно в состав яньских земель под управлением назначенных ваном чиновников [Creel, 1970; Васильев Л. С., 1983, с. 271—276]. — А. К.), захватили их быков и лошадей» [ЧГЦ, с. 434, цит. по: К. Васильев, 1968, с. 211; см. Мэн Вэньтун, 1958, с. 101].

Минь-ван Ди правил в Ци, согласно данным Сыма Цяня (глава 15 «Лю го бянь»), с 323 по 284 г. до н. э. [ШЦ, 2, с. 730—740; см. Сыма Цянь, III, с. 279—293]. По хронологии «Чжушу цзинянь», его правление началось только в 300 г. до н. э. [Сыма Цянь, III, с. 808]. Хронологическая таблица, составленная по данным «Чжаньго цэ» Юй Чаном, относит начало правления Минь-вана к 301 г. до н. э. [ЧГЦ, с. 1249].

Су Цинь был убит вскоре после того, как Минь-ван начал царствовать [Сыма Цянь, V, с. 86; VII, с. 111]. Таким образом, он мог лично обращаться к Минь-вану либо в 323—322, либо в 301—300 гг. до н. э.

В одном из списков «Чжаньго цэ» с дополнительными комментариями Яо Хуна иероглифы «Су Цинь» в начале этого эпизода отсутствуют. В списке «Чжаньго цэ», отредактированном Бао Бяо, вместо «Су Цинь» здесь указано «Су-цзы». У Ши считал, что в этом эпизоде речь идет не о Су Цине, а о его младшем брате Су Дае, также прозывавшемся «Су-цзы» [ЧГЦ, с. 427, прим. 1]. Вопрос о том, кто из братьев Су должен был произнести приведенную речь, остается дискуссионным [ЧГЦ, с. 445—446, прим. 38]. Если это был Су Дай, то согласно общепринятой хронологии он мог беседовать с Минь-ваном либо в 319—317, когда был посланником в Ци, либо в 312—285 гг. до н. э., до свержения Минь-вана [ШЦ, 2, с. 731—740; см. Сыма Цянь, III, с. 281—293, VII, с. 113—114].

Однако в этой речи «Су-цзы» упоминаются также военные столкновения царств Ци, Чу, Цинь, Хань, Вэй, зафиксированных в «Ши цзи» по хроникам отдельных государств и относящихся к 303—298 гг. до н. э. [ЧГЦ, с. 431; ШЦ, 2, с. 735—737]. Таким образом, только период с 298 по 285 годы до н. э. может быть принят как время произнесения приведенной речи независимо от того, кому из братьев Су она принадлежала.

Казалось бы, два приведенных отрывка о нападениях враждебных варваров на яньских союзников-лоуфаней могут отражать одно и то же историческое событие, т. е. «Су-цзы» (в 298—285 гг. до н. э.) мог напомнить Минь-вану ситуацию 314—311 гг. до н. э., сложившуюся как раз во время оккупации яньской территории цискими войсками. Об этом говорит и комментарий к «Чжаньго цэ» из издания Бао Бяо «Бао бэнь», который относит описываемую Су Цинем войну Ци и Янь ко времени «[Цзы-]чжи и Гуай[-вана]» в Янь [ЧГЦ, с. 435, прим. 16]. Однако во время похода Минь-вана на царство Янь никаких крупных сражений вообще не было. Народ, ненавидевший узурпатора Цзы-чжи «до мозга костей», встречал циские войска хлебом-солью, цисцы беспрепятственно дошли до яньской столицы, ворота которой им открыли сами жители [см. напр.: яркое описание этих событий в средневековом романе «Дун Чжоу лего чжи»: Фэн Мэнлун, 1997, с. 1002—1103]. С другой стороны, горы Хуань, судя по всему, находятся в глубине территории Ци. Комментарий из издания «Бао бэнь» говорит, что эти горы располагаются на границе царств Ци и Лу [ЧГЦ, с. 435, прим. 14], т. е. за сотни километров от яньских границ. Горы с таким названием Шан Уинь в своем словаре упоминает только на территории уезда Туншань провинции Цзянсу [ЧГГЦДМДЦД, с. 715]. Так что скорее всего в приведенном отрывке речь идет о нападении Янь на Ци, что ни в коем случае не могло иметь места во время яньской смуты, связанной с неудачным правлением Гуай-вана.

Таким образом, в «Чжаньго цэ» и «Шо юань» упоминаются два различных, происходивших в разное время нападения на яньских лоуфаней:

одно — со стороны неких «ху», а другое — со стороны «сюнну». Считать эти тексты восходящими к одному первоисточнику невозможно. Тем самым отпадает один из основных аргументов в пользу того, что слово «сюнну» в «Шо юань» могло появиться в результате изменения текста первоисточника, где упоминались «ху», «сохранившиеся» в тексте «Чжаньго цэ».

Лоуфани неоднократно упоминаются в исторических источниках — сначала «на север» от Цзинь, а затем и от Чжао (т. е. на севере нынешней провинции Шаньси) [ШЦ, 9, с. 2883; ШЦ, 9, с. 2885], в конце IV в. до н. э. их помещают «на запад от Чжао» [ШЦ, 6, с. 1805, 1809; ЧГЦ, 657], в 297 г. до н. э. чжаоский Чжуфу (Улин-ван) встречается с их ваном на запад от Чжао, на «Сихэ», т. е. «Западной Реке» (восточный отрезок излучины Хуанхэ) [ШЦ, 6, с. 1813], в конце III—конце II вв. до н. э. их местопребывание — в «Хэнань» (Ордосе) [ШЦ, 8, с. 2719; 9, с. 2890; 2906, 2923]. Скорее всего, источники отражают реальное перемещение лоуфаней в Ордос на рубеже IV—III вв. до н. э. вследствие разгрома этого племени чжаоским Улин-ваном [Мэн Вэньтун, 1958, с. 95, сводку сообщений о расселении лоуфаней см.: Ковалев, 1999, с. 77]. Таким образом, наиболее вероятное размещение лоуфаньских кочевий, подвластных Янь, на которые могли нападать как «ху», так и сюнну до конца IV в. до н. э., — земли к западу от тогдашней границы Янь, в районе сегодняшнего Датуня.

Лоуфани, «подведомственные» либо дружественные Янь, не могут считаться домыслом автора-составителя «Шо юань» и «Чжаньго цэ» Лю Сяна либо кого-либо другого из позднейших авторов. При раскопках кладбища нижней столицы царства Янь была исследована относящаяся к позднему периоду Чжаньго могила М30 с богатым инвентарем, включавшим, с одной стороны, яньские сосуды, вооружение, колесничное снаряжение, а с другой стороны, набор великолепно исполненных китайскими (видимо, яньскими) мастерами предметов вооружения и золотых украшений, выполненных в «алтайском» зверином стиле [Янь ся ду, 1998, с. 678—715]. Эти предметы ювелирного искусства аналогичны находкам из погребения Сигоупань М2 того же времени, исследованного в Ордосе [Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 351—371]. В том числе здесь было обнаружено 7 серебряных бляшек для украшения конской узды, подобных найденным в М20, на оборотной стороне которых, как и на предметах из яньской столицы, китайским мастером указан точный вес драгоценного металла. В моей статье 1999 г. подробно рассматривается феномен проникновения на территорию варварских племен Ордоса так называемого «алтайского» или «пазырыкского» звериного стиля [Ковалев, 1999]. Поскольку его проявления были обнаружены только в «элитных» погребальных комплексах высшего слоя кочевого общества Ордоса конца IV—III вв. до н. э. и эти специфически «пазырыкские» образы доживают в пластике Северного Китая до II в. до н. э., мною был сделан вывод о том, что «алтайские» идеологические представления с конца IV по конец II в. до н. э. стали ведущими

именно для элиты ордосского кочевого общества, каковым в это время по данным исторических источников могли быть только лоуфани либо союз племен, возглавлявшийся неким «ваном» лоуфаней и байян, продержавшиеся в Ордосе до походов Вэй Цина в 128 г. до н. э.

Таким образом, могила М30 в яньской столице показывает высокое положение в яньском обществе именно представителя племени лоуфаней, который, несомненно, в ней был захоронен. Эта находка должна существенно укрепить наше доверие к разбираемым историческим источникам, поскольку до нее трудно было даже предполагать достоверность сообщения о «уездах лоуфаней в Янь», т. е. о прямом включении варварского кочевого населения в административную структуру этого государства. Видимо, поэтому и К. В. Васильев в своем переводе, как мы показали выше, опустил слово «сянь» («уезд»), включив вместо него слово «владение».

В текст главы 81 «Ши цзи» «Лян По, Линь Сянжу лечжуань» включено описание разгрома племен северных кочевников (включая «сюнну»), учиненного Ли Му, военачальником царства Чжао, на севере чжаоских земель: «Ли Му, служивший в северных пограничных областях царства Чжао... постоянно пребывал в Дай или Яньмэне (в переводе В. С. Таскина — «в созданном на землях владения Дай округе Яньмэнь» [Таскин, 1968, с. 63]), этот перевод следует ошибочному комментарию танского Чжана Шоуцзе (737 г. н. э.) [ШЦ, 8, с. 1449], исходившего из того, что Яньмэнь располагался на землях так называемого «владения» Дай; однако ко времени Ли Му в Чжао уже были образованы как округ Яньмэнь, так и самостоятельный округ Дай [ШЦ, 9, с. 1885; *Ян Куань*, 1957, с. 535]). — А. К.), готовый отразить нападение сюнну... Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями... Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел... Узнав об этом, сюннуский шаньюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му... развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] даньлань, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао (в переводе В. С. Таскина — «к пограничной стене» [Таскин, 1968, с. 64]), однако в тексте оригинала однозначно говорится о пограничных укрепленных городах («бянь чэн» — см. ГДХЮЦД, с. 85, а не о стене («чанчэн») или укреплениях («сай»). — А. К.). [ШЦ, 8, с. 2449—2450; цит. по: *Сыма Цянь*, VII, с. 258—260]. Эти события не могут быть датированы временем позже 244 г., когда Ли Му направили в поход против царства Янь [ШЦ, 8, с. 2450; см. *Сыма Цянь*, VII, с. 260]. Сюн Цуньжуй относит этот разгром кочевников к 265—245 гг. до н. э. [*Сюн Цуньжуй*, 1983, с. 111]. Об этой же победе Ли Му говорит в главе 102 «Ши цзи» Фэн Тан: «Ли Му... на севере прогнал шаньюя, нанес поражение дунху, уничтожил дань-

линь...» [ШЦ, 9, с. 2758, см. также: *Таскин*, 1973, с. 145]. Слова «уничтожил даньлинь» из главы 102 «Ши цзи» могли появиться, самое вероятное, в результате ошибки при переписке фразы, воспроизведенной в вышеприведенной редакции в главе 81: «... уничтожил даньлань, разгромил дунху, принудил сдаться линьху» или осмысленного сокращения названий этих племен. Так что племена даньлинь, скорее всего, не существовало вовсе. Комментатор Жу Чунь (189—265 гг.) идентифицировал это несуществующее племя даньлинь с одним из племен, участвовавших в походе, — с линьху [ШЦ, 9, с. 2885].

Отрывки однозначно повествуют о сюнну как особом племени, поскольку в тексте упоминается предводитель сюнну с титулом *шаньюя*, описание действий которого встроено в общий ряд с сообщениями о судьбе иных варварских народов. Л. А. Боровкова предлагает считать эпизод главы 81, описывающий борьбу Ли Му с сюнну, позднейшей вставкой на том основании, что упомянутые масштабы победы совершенно нереальны, тем более что в других местах «Ши цзи» об этом умалчивает [*Боровкова*, 1990, с. 4—5]. Однако, во-первых, преувеличение военной мощи своих армий и армий противника — общее место многих классических сочинений Китая; во-вторых, соединение Ли Му было далеко не самой крупной из армий эпохи Чжаньго: сильнейшие царства (такие, как Чжао) имели в это время постоянную армию численностью в миллион человек и могли выставить еще 600 тысяч для одной кампании [*Сайер*, 1998, с. 17]; в-третьих, как мы видели, об этой победе говорится еще и в главе 102, в-четвертых, локализация сюнну совпадает с данными приведенного отрывка из «Шо юань». Поэтому вероятное преувеличение масштабов победы не должно быть поводом для отвержения этого текста.

Местность, где Ли Му одержал победу над силами шаньюя, определяется достаточно точно. Это — территория царства Чжао в округах Дай и Яньмэнь [см.: ЧГЛШДТЦ, 1, л. 37—38]. Северная граница Чжао в это время проходила по линии длинных стен чжаоского Улин-вана, которые прослежены у южного подножия гор Иньшань от Баотоу и далее на восток до уезда Чжоцзы [Внутренняя Монголия] [*Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь*, 1981, с. 21—24, рис. 1; *Ли Синшэн, Хао Липин*, 1994], что соответствует сведениям «Ши цзи» («Он (Улин-ван) построил длинную стену, которая протянулась от Дай вдоль подножия гор Иньшань до Гаоцюэ и служила укрепленной границей» [ШЦ, 9, с. 2885, цит. по: *Таскин*, 1968, с. 37]). Судя по тому, что Ли Му вынужден был поставить вдоль своего участка границы «башни с сигнальными огнями», его войска размещались на том отрезке границы Чжао, который стенами защищен не был, т. е. восточнее современного Чжоцзы. В пользу такой локализации говорит и то, что армия Ли Му не заходила в округ Юньчжун, располагавшийся к западу от Яньмэня и защищенный длинной стеной. С востока же земли Чжао здесь ограничивались территорией царства Янь. Ко времени Ли Му яньские земли были

расширены на севере за счет захвата земель, принадлежавших племени дунху, и обнесены длинной стеной [ШЦ, 9, с. 2886, см.: Таскин, 1968, с. 37]. Исходя из этого сообщения «Ши цзи», длинная стена, построенная по северной границе Янь, должна была оканчиваться с запада в округе Шангу. Археологически яньские стены прослежены на запад до Чжанбэя [Чжэн Шаоцзун, 1981, с. 36, рис. 1]. Таким образом, наиболее вероятная дислокация соединений Ли Му — между современными Чжанбэем и Чжоцзы (по прямой с запада на восток около 180 км). Согласно «Ко ди чжи», *даньлин* в эпоху Чуньцю обитали в танском округе Шочжоу, управление которого находилось в Май [ШЦ, 9, с. 2885, прим. 11; КДЧ, с. 81—82], т. е. на севере Шаньси и прилегающих землях АР Внутренняя Монголия [см. Малявкин, 1981, с. 107], что полностью соответствует нашим выводам.

В период объединительных войн будущего императора Ши-хуанди из Цинь в Янь бежал изменивший своему государю полководец в чине *цзянцзюня* Фань Уци. Прибытие Фань Уци в Янь создало большую проблему для яньского правящего дома, поскольку это могло послужить предлогом для нападения циньских войск, только что завоевавших соседнее царство Чжао. «Чжаньго цэ» передает высказанные в связи с этим слова наставника Цзюй У, обращенные к наследнику яньского престола (*тайцзы*) Даню (глава 31 «Янь 3», параграф «Цинь бин Чжао бэй сян ин Янь»): «Для *тайцзы* желательно срочно направить *цзянцзуня* Фаня к сюнну, чтобы избавиться от него. Прошу на западе объединиться с тремя Цзинь, на юге связаться с Ци и Чу, на севере договориться с *шаньюем*, после чего будет возможно это организовать» [ЧГЦ, с. 1129]. Бегство Фань Уци от правителя Цинь относится к 228 г. до н. э. [Сюн Цуньжуй, 1983, с. 111]. Об аутентичности текста «Чжаньго цэ» мы уже говорили выше. Кроме этого, в речи Цзюй У упоминается *шаньюй* — титул предводителя хунну. Таким образом, этот отрывок также можно использовать в целях локализации сюнну.

Как уже говорилось, земли Янь в это время простирались к западу до района Чжанбэя. На востоке же северная яньская граница доходила до Ляоси [Ян Куань, 1957, с. 536—537; ЧГЛШДТЦ, 1, л. 39—40]. Однако на север от Янь к тому времени оставались еще «отброшенные на север» племена дунху. Это следует из нижеприводимого отрывка, а также из сообщения главы 43 «Чжао ши цзя» за 273 г. до н. э. о землях в Дай, «подвергавшихся нападению дунху». Восточный отрезок северной границы в Ляодуне и Ляоси отделял яньские земли от древнекорейских племен емек [Бутин, 1982, с. 42—73]. Таким образом, ставка *шаньюя* хунну могла находиться только на западном отрезке северных яньских рубежей.

Последний отрывок относится уже к описанию свершений *шаньюя* Маодуня [конец III в. до н. э.]:

«Правитель дунху, еще более возгордясь, начал захватывать земли на западе. Между [дунху] и сюнну пролежала брошенная земля, на которой на расстоянии более 500 ли никто не жил; и те и другие жили по ее краям,

образуя оуто» [ШЦ, 9, с. 2889; цит. по: *Таскин*, 1968, с. 38, 39]. Из этого текста следует, что сюнну жили на запад от дунху, причем на расстоянии более 200 км. В то же время дунху, отброшенные в первой половине IV в. яньскими войсками к северу «на 1000 ли» [ШЦ, 9, с. 2886, см.: *Таскин*, 1968, с. 37], обитали теперь на север от вышеуказанной яньской длинной стены. Таким образом, земли сюнну могли находиться по отношению к северной границе Янь только на северо-западе.

Следовательно, все четыре вышеприведенных отрывка относят действия хунну в конце IV—III вв. до н. э. к одной и той же местности — территории Внутренней Монголии к северу от границ современной провинции Шаньси, к северо-западу от границ провинции Хэбэй. Эта локализация совпадает с позднейшим местоположением ставки шаньюя «напротив [округов] Дай и Юньчжун» [см.: *Таскин*, 1968, с. 40], которая, как справедливо замечает С. С. Миняев, могла оставаться на традиционном месте [*Миняев*, 1990, с. 152; 1998, с. 80].

Имеется еще один комплекс менее достоверных, но весьма вероятных упоминаний хунну в письменных источниках доханьской эпохи.

При создании цзюаней 5 и 6 «Ши цзи» и «Цинь бэнь цзи» [«Основные записи [о деяниях дома] Цинь» и «Ши-хуан бэнь цзи» («Основные записи [о деяниях Цинь] Ши-хуана») Сыма Цянь, несомненно, широко использовал циньскую летопись — «Записи дома Цинь», сохранившуюся к его времени. («Тогда я последовал за «Записями дома Цинь», продолжив [описание событий] после хроники «Чуньцю» [ШЦ, 2, с. 687; цит. по: *Сыма Цянь*, III, с. 233]). На это указывает и М. В. Крюков во вводной статье к русскому переводу «Основных записей» [*Сяма Цянь*, I, с. 92]. Таким образом, в труде Сыма Цяня, именно в этих главах, весьма вероятно точное воспроизведение текста оригинала «Записей дома Цинь», в том числе используемых там этнонимов. В этой связи следует обратить внимание еще на несколько эпизодов.

В 318 г. «войска княжеств Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, ведя за собой отряды сюнну, совместно напали на Цинь» [ШЦ, 1, с. 207; цит. по: *Сыма Цянь*, II, с. 42—43]. Г. Халоун не сомневался в том, что слово «сюнну» в тексте Сыма Цяня восходит к эпохе Чжаньго и считал эту фразу первым дошедшим до нас упоминанием сюнну в исторических источниках [*Haloun*, 1922, S. 433; 1926, S. 130]. Мэн Вэньтун замечает, что в «Чжаньго цэ» при описании планов нападения пяти княжеств на Цинь в 318 г. в том же контексте действуют ицьюйские жуны, из чего он делает вывод о генетической связи этих племен [*Мэн Вэньтун*, 1958, с. 106—107]. Правда, с таким же успехом можно предположить, что ицьюйские жуны были союзниками пяти царств, а сюнну, например, чем-то вроде наемников, которых «вели за собой». Поскольку сюнну при описании этого похода более не упоминаются, Л. А. Боровкова считает их упоминание в этом отрывке позднейшей вставкой [*Боровкова*, 1990, с. 3—4].

Далее в главе «Цинь бэнь цзи» сообщается о походе против «сюнну» в 214 г.:

«Тогда (215 г.) Ши-хуан послал военачальника Мэн Тяня на север с трехсоттысячной армией для нападения на ху. В результате [войска] захватили земли Хэнани (к югу от северного отрезка излучины Хуанхэ. — А. К.). На тридцать третьем году [214 г.]... на северо-западе [Ши-хуан] вытеснил и прогнал [племена] сюнну. От Юйчжуна вдоль реки на восток вплоть до гор Иньшань [он] учредил тридцать (сорок?) четыре уезда, построил стену вдоль Хуанхэ в качестве заслона (в оригинале «чэн (обносить стеной) хэ (река) шан (верх, верхнее течение) вэй (в качестве) сай (укрепление, застава)». — А. К.)

Снова послал Мэн Тяня перейти [с войсками] Хуанхэ; [Мэн Тянь] занял Гаоцюэ, [Тао] [Янь]шань и Бэйцзя, где соорудил заставы и вышки, чтобы отгонять жунов. » [ШЦ, 1, с. 253; цит. по: Сыма Цянь, II, 75].

Итак, перевод Р. В. Вяткина не может быть принят без существенных корректировок. Аналогичное словосочетание «хэ вэй сай» использовано в той же главе 6 за 26 годом Цинь Шихуана (219 г. до н. э.), где Сыма Цянь описывает границу империи Цинь на более раннем этапе, до захвата земель кочевников. Здесь это выражение переведено Р. В. Вяткиным, на мой взгляд, более корректно: «[земли Цинь] ... на севере тянулись вдоль Хуанхэ, служившей им заслоном» [ШЦ, 1, с. 239; см. Сыма Цянь, II, с. 65]. Столь близкая аналогия в рассказе об одном и том же регионе подтверждает вывод о том, что автор «Ши цзи», обратившись к вопросу о расширении северных границ, имел в виду дальнейшее укрепление упоминавшегося им естественного рубежа по Хуанхэ. ~~В связи с замечаниями по тексту нами предлагается следующая редакция: «... обнесли стеной [Хуан]хэ в верхнем течении, бывшую [естественным] пограничным заслоном».~~ Исходя из того, что под именем Иньшань в ханьское и доханьское время подразумевались не только горы, носящие это имя сегодня, но и горный массив, простиравшийся к востоку от них [см.: ШЦ, 1, с. 239; 9, с. 2885, XIII; 11, с. 3803, согласно комментарию «Хуй чжэн» горами Иньшань назывался горный район на северо-восток от излучины Хуанхэ, современные горы Шибадантушань в аймаке Улато АР Внутренняя Монголия: ЛГГЦЦХБ, с. 14, прим. 59], можно считать, что линия пограничных крепостей-уездов могла доходить к востоку до циньского округа Шангу.

Те же события описаны Сыма Цянем в «Хронологических таблицах» (глава 15), главах 88 «Мэн Тянь лечжуань» и 110 «Сюнну лечжуань», а также упоминаются в трактате Цзя И, включенном в текст главы 6.

В «Хронологических таблицах» [«Ши цзи», глава 15] вышеуказанные события излагаются под 33 годом правления Ши-хуана (214 год).

«... На северо-западе, на захваченных у жунов землях (в оригинале «си бэй (на северо-западе) цюй (в данном контексте корректнее перевести «разгромили и овладели землями» — см.: ЧГХЮЦД, с. 1290) жун». —

АК

А. К.), создал 44 (34) уезда. Построил великую (? — А. К.) стену (в оригинале «чан чэн», что корректнее переводить как «длинная стена», как обозначаются любые длинные стены, строившиеся китайскими княжествами в эпоху Чжаньго; словом «великая» в русскоязычной литературе обычно обозначают «объединенную» стену эпохи централизованных империй — А. К.) вдоль Хуанхэ (в оригинале «хэ шан (в верховьях реки)». — А. К.). Мэн Тянь возглавил трехсоттысячное войско» [ШЦ, 2, с. 757—758, цит. по: *Сыма Цянь*, III, с. 318].

В переводе Л. А. Боровковой это место выглядит так: «На северо-западе овладели [землями] жунов и образовали [на них] 34 уезда. Мэн Тянь командовал трехсоттысячным войском» [Боровкова, 1990, с. 6].

Оснований излагать текст в форме причастного оборота «на захваченных у жунов землях», как делает Р. В. Вяткин, в оригинале нет. В этой части перевод Л. А. Боровковой ближе к оригиналу как синтаксически, так и грамматически, не говоря уже о стилистике источника (краткие сообщения в табличном варианте). Кроме этого, перевод иероглифа «цю» в смысле «разгромить [жунов] и завоевать их земли» соответствует повествованию о тех же событиях в главе 6, где Р. В. Вяткин переводит: «вытеснил и прогнал [племена] сюнну» (см. выше) [ШЦ, 1, с. 253; цит. по: *Сыма Цянь*, II, с. 75]. Оба перевода без указаний на сомнительность такой трактовки помещают новые уезды на «захваченные у жунов земли», хотя перевести текст в целом можно и как два совершенно не связанных между собой предложения: «На северо-западе разгромили жунов и захватили их земли. Создали 44 [34] уезда». В этой редакции перевод корреспондируется с текстом главы 6 (см. выше) [ШЦ, 1, с. 253]. Словом «хэшан» обозначается верхнее течение реки. Поэтому последнюю фразу следует переводить как «построили длинные стены в верхнем течении реки [Хуанхэ]». Такой перевод соответствует вышеприведенной фразе из главы 6 «обнесли стеной Хуанхэ в верхнем течении» [ШЦ, 1, с. 253; цит. по: *Сыма Цянь*, II, с. 75].

О тех же событиях повествуется и в главе 110 «Ши цзи»:

«В дальнейшем, после того, как Цинь уничтожило шесть царств, [император] Ши-хуан приказал Мэн Тяню во главе войска численностью в 100 000 человек напасть на севере на ху. [Мэн Тянь] (? — А. К.) отвоёвывал обратно все земли к югу от реки (Хуанхэ) (в оригинале — «си шоу хэ нань ди («полностью отобрал земли Хэнань»). — А. К.), создал вдоль Хуанхэ укрепления (в оригинале «инь хэ вэй сай (в результате река стала рубежом). — А. К.), построил 44 уездных города у реки и заселил их преступниками, приговоренными к ссылке на границу» [ШЦ, 9, с. 2886; цит. по: *Таскин*, 1968, с. 37].

В переводе Л. А. Боровковой начало этого отрывка выглядит так:

«Позже [царство] Цинь уничтожило шесть царств и Ши-хуанди послал Мэн Тяня вести трехсоттысячное войско на север ударить по хусцам. [Мэн Тянь] полностью овладел землями к югу от [Хуан]хэ, и Хуанхэ ста-

ла рубежом. Построили 44 уездных города вдоль [Хуан]хэ и переселили ссыльных и жунов, чтобы заполнить их» [Боровкова, 1990, с. 6].

Перевод Л. А. Боровковой выполнен более корректно. Фраза о постройке 44 городов вдоль Хуанхэ в оригинале безлична и приписывать эти и последующие по тексту достижения Мэн Тяню, как это сделал Р. В. Вяткин, нет оснований. Таким же образом, безличными оборотами, переводит этот отрывок и Де Грот [*De Groot*, 1921, S. 39]. В главе 88, специально посвященной жизнеописанию Мэн Тяня, к его личным достижениям отнесены разгром варваров «на севере» и захват «Хэнань», строительство длинных стен (неизвестно где!), приведение в порядок существовавших укреплений вдоль всей границы, переправа через Хуанхэ к горам Иньшань. Разгром варваров «на северо-западе» и основание 44 (34) уездных городов-крепостей по Хуанхэ, в том числе в районе Юйчжуна, здесь не упоминаются [ШЦ, 8, с. 2565—2566; *De Groot*, 1921, S. 44]. О словосочетании «хэ вэй сай» говорилось выше. Перевод Л. А. Боровковой в этой части соответствует тексту глав 6 и 15 [ШЦ, 1, с. 253]. Иероглиф «си» («полностью») — в оригинале предшествует иероглифу «шоу» («отбирать»), а не словам «хэнань ди», и таким образом является дополнительной характеристикой действия, а не размеров местности, отобранной Мэн Тянем. Говорить о захвате всех земель Ордоса на этом основании нельзя. Перевод Л. А. Боровковой в этой части выполнен более корректно. Слово «Хэнань» может, конечно, обозначать все земли к югу от реки, т. е. весь Ордос, однако так могла обозначаться и совершенно определенная местность, которая могла занимать меньшую площадь, по аналогии с Хэси («к западу от реки», округ в Вэй), Хэнань (ханьский округ на территории современной провинции Хэнань), Хэшан («верхнее течение реки», ханьский округ в современной провинции Шэньси), Хэдун («к востоку от реки», ханьский округ в современной провинции Шаньси) и т. п.

Приведенные отрывки наглядно показывают, что кампания «на северо-западе» против «сюнну», о которой говорится в главе 6 и упоминается в «Хронологических таблицах» за 33 год правления Цинь Ши-хуана, не связана в тексте «Ши цзи» с деятельностью Мэн Тяня, с походом на кочевников в северном направлении, с учреждением уездов по Хуанхэ и далее на восток, а также с постройкой новой длинной стены в верхнем течении Хуанхэ. Более того, кроме этого похода все перечисленные события происходили на север от столицы империи.

Мэн Тянь был направлен с войсками «на север» согласно всем источникам. Захватил он земли «Хэнань», т. е. часть (?) Ордоса, что прямо на север от циньских земель.

Под топонимом «хэшан», обозначающим место, где Мэн Тянем были построены укрепления, можно понимать в этом контексте только верхнее течение Хуанхэ на восточном участке ее излучины, где река несет свои воды с севера на юг. В конце 205 г. до н. э., как сообщает глава 8 «Ши цзи» «Гао-

цзу бэнь цзи», были «приведены в порядок укрепления в верхнем течении реки [Хуанхэ]» [ШЦ, 2, с. 369]. Перевод Р. В. Вяткина («Были приведены в порядок и достроены укрепления [вдоль границ] области Хэшан») [Сыма Цянь, II, с. 176] здесь не может быть использован, поскольку искажает смысл источника. Во-первых, иероглифы «шаньчжи» означают не «достроил», а «привел в порядок», «отремонтировал» [ГДХЮЦД, с. 1366]. Во-вторых, ни о какой «области» в оригинале не говорится. Включение слова «область» увязывает эти укрепления с округом Хэшан, учрежденным Гао-цзу в центральной части ханьских земель [ШЦ, 2, с. 369]. Поскольку и в этом сообщении использовано выражение «хэ шан сай», которое мы видим и в рассматривавшихся отрывках из глав 6 и 15, можно считать, что здесь говорится о той же линии укреплений, которая была построена Мэн Тянем в северной части восточного отрезка излучины Хуанхэ. Комментарий сунского Пэй Иня «Цзи цзе» к этому отрывку приводит цитату из жизнеописания западноханьского Чао Цо, включенного в «Хань шу» [ШЦ, 2, с. 370]. В тексте «Хань шу» (глава 49) слова Чао Цо, обращенные к императору, звучат так: «...в циньское время на севере напали на хумо, построили укрепления в верхнем течении реки [Хуанхэ] («чжу сай хэ шан». — А. К.), на юге напали на янских юэ, устроили там пограничные гарнизоны» [ХШ, 8, с. 2283]. Таким образом, Чао Цо под словами «сай хэ шан» также имел в виду укрепленную линию в верхнем течении Хуанхэ именно на север от коренных земель Цинь, в противопоставлении пограничным гарнизонам на юге. Упоминание «хэшан сай» за 205 годом до н. э. в главе 7 «Ши цзи» означает, что земли «к югу от реки», которые защищала эта оборонительная линия, к тому времени еще оставались под властью Срединного государства, что полностью корреспондируется с сообщением Сыма Цяня о том, что на момент вторжения Маодуня в Ордос (которое можно датировать в пределах 204—203 гг. до н. э. [см. Боровкова, 1990, с. 7—11]) там находились как племена лоуфань и байян, так и территории, контролируемые империей Хань [ШЦ, 9, с. 1890]. Китайскими археологами исследована длинная стена, которая находится именно в этих местах — от современного Юйлиня в провинции Шэньси до Токото на севере, однако они считают это сооружение более ранним, относящимся ко времени циньского Чжао-сян-вана, поскольку укрепления Мэн Тяня, по их мнению, должны были располагаться к западу от излучины Хуанхэ, и Цинь Ши-хуан якобы захватил весь Ордос [Ши Нянхай, 1981а, 1981б]. Это не соответствует действительности. Кроме косвенного указания на то, что на территории Ордоса к концу III в. до н. э. находились не только ханьские владения, но и племена лоуфаней и байян, Сыма Цянь прямо пишет, что «старая укрепленная линия к югу от реки» (т. е. длинные стены циньского Чжао-сян-вана, в противопоставлении «новой» линии — стенам Мэн Тяня) в районе южнее реки («Хэнань») проходила от Чжаона до Фуши [ШЦ, 9, с. 2890], т. е. от сегодняшней Гуюани до современного Суйдэ, где археологически исследован другой, южный отрезок стены [Ши Нян-

хай, 1981, с. 60—64]. Поэтому более северные земли собственно Ордоса при Чжао-сян-ване циньцы не контролировали, и стена на север к Токото могла быть построена только Мэн Тянем. Более того, в 127 г. до н. э., по сообщению «Сюнну лечжуань», в результате похода Вэй Цина хань «восстановила укрепленную линию, воздвигнутую Мэн Тянем при бывшей династии Цинь» [ШЦ, 9, с. 2906, цит. по: Таскин, 1968, с. 52]. Эта линия могла находиться только в Ордосе, а не к западу от него, поскольку согласно общепринятой точке зрения в западоханьское время Китай всем Ордосом не владел, и с запада кочевники свободно проходили через Хуанхэ на это плато [см. ЧГЛШДТЦ, 2, л. 17—18]. Последний и неотразимый аргумент в пользу того, что укрепления, воздвигнутые Мэн Тянем, проходили в восточной части Ордоса — личные наблюдения сыма Цяня во время одного из его путешествий. В 110 г. до н. э. он возвращался в ханьскую столицу с «северной границы» (как буквально сообщается в тексте «Ши цзи») и по пути видел остатки этих стен. «Я выезжал на северную границу, возвращался в столицу по прямому тракту и видел пограничные башни длинных стен, построенных Мэн Тянем по приказу Цинь» [ШЦ, 8 с. 2570]. И далее: «Срывали горы, засыпали ложбины — прокладывали прямой тракт. Как дешево ценили труд простого народа!» [ШЦ, 8, с. 2570, цит. по: Крюков, 1972, с. 23]. Под «прямым трактом» здесь однозначно подразумевается дорога, построенная Мэн Тянем по приказу Ши-хуана из столицы по прямой через территорию Ордоса до Цзююани на берегу излучины Хуанхэ (отрывок взят из жизнеописания Мэн Тяня и характеризует его достижения; фраза «срывали горы, засыпали ложбины» применяется в тексте «Ши цзи» и «Шо юань» (глава 20) именно к строительству прямой дороги Мэн Тянем [ШЦ, 1, с. 256; с. 2566; 9, с. 2886; 8, см.: Сыма Цянь, II, 78; Таскин, 1968, с. 37; Шо юань, с. 649] (о проблеме «прямого тракта» и локализации Цзююани см. ниже). Таким образом, Сыма Цянь, проезжая по «прямому тракту» по территории Ордоса, видел невооруженным глазом укрепления Мэн Тяня. Это было бы совершенно невозможно, если бы эти укрепления находились с запада от излучины, самое малое в двухстах километрах от «прямого тракта», даже если Цзююань, как считает ряд исследователей, находилась около Баотоу. Свидетельство самого Сыма Цяня не оставляет места вольным интерпретациям его слов и доказывает, что длинные стены, идущие от сегодняшнего Юйлиня к Токото, были построены именно Мэн Тянем и отгораживали, так самым, небольшой участок на востоке Ордоса в верхнем течении восточного отрезка излучины Хуанхэ («хэ шан»).

Что же касается организации новых уездов вдоль Хуанхэ, то и они, если строго следовать тексту «Ши цзи», были созданы не «вокруг» излучины реки с запада, а на север и северо-восток от Ордоса. Локализация этих уездов зависит от того, куда можно поместить упоминаемый в связи с этими уездами в главе 6 «Ши цзи» Юйчжун. Китайские историки и археологи исходят из сведений «Шуй цзин чжу», комментария «Инь и» и

комментария «Цзи цзе» сунского Пэй Иня, идентифицировавших этот Юйчжун с одноименным уездом, образованным позже на землях близ Ланьчжоу, в ханьском округе Цзиньчэн [ШЦЧ, глава 2 «Хэ шуй 2», с. 31; ШЦ, 1, с. 253, прим. 7, ХШ; 6, с. 1610—1611]. Таким образом выходит, что цепь пограничных уездов Ши-хуана, тянувшаяся «вдоль Хуанхэ», охватывала всю излучину реки — до гор Иньшань. Из этого следует, что первым императором Цинь был захвачен весь Ордос. Соответственно, построенные Мэн Тянем длинные стены должны были охватывать излучину Хуанхэ с запада. Такое видение исторических событий отражено в ряде статей и исторических карт [ЧГЛШДТЦ, 2, л. 5—6; *Ши Нянхай*, 1978, с. 63—65; 1981, с. 65—66; Оу Янь, 1987, с. 16—17]. В то же время «стены Мэн Тяня» с запада от излучины Хуанхэ не видели ни средневековые географы, ни современные археологи. От Ланьчжоу до гор Иньшань уезды не могли располагаться «вдоль реки на восток», поскольку на этом участке Хуанхэ несет свои воды на север. Само толкование отрывка из главы 6 «Ши цзи» в смысле «на восток вплоть до Иньшань», исходя из того, что имя Иньшань носили, по словам самого Сыма Цяня, горы, располагающиеся северо-восточнее излучины Хуанхэ, допускает размещение цепи уездных городов на восток вплоть до округа Шангу. Таким образом, локализация Юйчжуна в Ганьсу создает ряд существенных трудностей и заставляет «домысливать» текст источника. Однако историческая география Китая говорит и о другом Юйчжуне, в районе северо-восточного поворота излучины Хуанхэ [ЧГГЦДМДЦД, с. 1027]. Согласно «Ко ди чжи» [КДЧ, с. 65], этот Юйчжун располагался на месте танского уезда Юйлинь округа Шэнчжоу. Танский уезд Юйлинь располагался по северной части западного отрезка излучины Хуанхэ на территории современного АР Внутренняя Монголия [Малявкин, 1981, с. 125, прим. 117]. В отличие от «западного» Юйчжуна эта местность упоминается даже в доханьских источниках. В «Чжаньго цэ» (глава 19 «Чжао 2». Параграф «Ван по Юаньян» говорится о Юйчжуне при рассказе о военных достижениях правителя царства Чжао Улин-вана: «Вслед за тем ван ввел [в армии] одеяния ху, повел конные [отряды] против ху. Он вышел из «Ворот Забвения», преодолел преграды «Девяти пределов», пересек труднодоступные места «Пяти троп», достиг центра [расселения] ху (в оригинальном тексте — «Юйчжун», однако переводчик последовал комментариям из издания «Бао бэнь», которые предлагают читать «Хучжун» [ЧГЦ, с. 675, прим. 4]), открыл земли протяженностью в тысячу ли» [ЧГЦ, с. 675, цит. по: *К. Васильев*, 1968, с. 191]. Те же события описываются в «Ши цзи» (глава 43 «Чжао ши цзя»): «На двадцатом году [правления, 306 г.] [Улин-]ван отнял земли [царства] Чжуншань вплоть до Нинцзя, на западе отнял земли ху вплоть до Юйчжуна. Ван линьху преподнес лошадей. По возвращении [Улин-вана]... Первый советник царства Дай — Чжао Гу, управляя племенами хусцев, собрал их войска» [ШЦ, 6, с. 1811]. Согласно комментариям «Чжэн и», под Юйчжуном здесь имеется в виду

северный берег Хуанхэ в области Шэнчжоу [ШЦ, 6, с. 1811, прим. 2]. Приводим здесь собственный перевод этого отрывка, поскольку переводы Э. Шаванна, Р. В. Вяткина и Де Грота не могут быть использованы по различным причинам. Перевод де Грота: «...[Dann zog er] westwärts [und] ergriff Besitz vom Gebiete der Hu bis Yuzhong, [und] der König von Linhu lieferte [ihm] (dazu?) Pferde. » ([Затем он двинулся] на запад [и] захватил владения ху вплоть до Юйчжуна, [и] правитель линьху преподнес [ему] (для этого?) лошадей. — А. К.) (квадратные скобки в тексте отсутствуют, добавлены мною. — А. К.) [De Groot, 1921, S. 35]. Перевод Э. Шаванна: «La ninctieme annee (306), le roi parcourut le territoire de Zhongshan et parvint jusqu'a Ningjia; a l'ouest, [il] parcourut le territoire des Hu et arrivéd jusqu'a Yuzhong. Le roi des Linhu [lui] offrit des chevaux. A sou retour...» (На двадцатом году (306), правитель проехал (? — А. К.) земли Чжуншань и достиг Нинцзя, на западе [он] проехал (? — А. К.) земли ху и прибыл в Юйчжун. Правитель линьху [ему] поднес лошадей. По возвращении... — А. К.) (квадратные скобки в тексте отсутствуют, добавлены мною — А. К.) [Chavannes, V, p. 84]. Перевод Р. В. Вяткина: «На двадцатом году [правления, 306 г.] [Улин-]ван отправился(? — А. К.) в земли Чжуншаня, [доехал] до Нинцзя. [Далее] поехал(? — А. К.) на запад в земли хусцев, [добрался] до Юйчжуна. Правитель линьху подарил [ему] лошадей. По возвращении [Улин-вана]... первый советник царства Дай — Чжао Гу, управляя племенами хусцев, собрал их войска. » (квадратные скобки в тексте отсутствуют, добавлены мною/ — А. К.) [Сыма Цянь, VI, с. 66].

Э. Шаванн представил текст источника как описание поездок правителя Чжао по соседствующим территориям. Иероглиф «люэ», означающий в данном контексте «отнимать», «отбирать» [ГДХЮЦД, с. 1020—1021], в обоих случаях переводится им как «parcourir» («пробегать», «проходить», «объезжать» и т. п.), хотя такое значение этот иероглиф мог принимать только при описании объезда собственных границ с инспекцией или дозором. Здесь же мы имеем дело с территорией, заведомо Чжао не принадлежащей. Перевод Р. В. Вяткина, подготовленный с учетом труда Шаванна [см.: Сыма Цянь, VI, с. 297, прим. 1], трактует действия Улин-вана в том же смысле. Кроме того, одинаковые иероглифы «люэ» передаются в русском переводе разными словами «отправился» и «поехал», что не соответствует стилистике источника. В переводе Де Грота слово «люэ», напротив, принимает значение «Besitz ergreifen» [«завладеть», «овладеть»], так что текст выглядит как описание территориальных приобретений царства Чжао в 306 г/ до н. э.

Дальнейший текст «Истории наследственного дома Чжао» повествует о кампании против царства Чжуншань, предпринятой Улин-ваном в 305 г. до н. э. [ШЦ, 6, с. 1811; см.: Сыма Цянь, VI, с. 66], в ходе которой основные части чжаоской армии под руководством вана взяли «Хао, Ши, Фэнлун, Дунъюань». Все эти пункты находятся именно в районе Нинцзя (Маньцзя), в глубине чжуншаньских земель, граница которых определяется

Чжэн Шаоцзуном по состоянию на 414 г. до н. э. [*Чжэн Шаоцзун*, 1992, с. 137]. О захвате территории Чжуншань к западу и юго-западу от Нинцзя в течение кампании 305 г. «Ши цзи» не упоминает. Это косвенно подкрепляет трактовку сообщения за предыдущий, 306 год «люэ Чжуншань ди чжи Нинцзя» в смысле «отнял (захватил) земли Чжуншань вплоть до Нинцзя», так как в этом случае рубежи Чжао к началу кампании 305 года вплотную должны были бы приблизиться к району «Хао, Ши, Фэнлуна и Дунъюаня».

Таким образом, наиболее вероятно, что в рассматриваемом отрывке имеется в виду захватнический поход Улин-вана в 306 г. до н. э. против царства Чжуншань, а затем против «ху», в результате которого земли последних «вплоть до Юйчжуна» были присоединены к Чжао. Это соответствует рассказу «Сюнну лечжуань» о выдающихся победах Улин-вана «на севере» над варварами линьху и лоуфань и организации им трех новых округов [видимо, на завоеванных территориях] [ШЦ, 9, с. 2885; см. *Таскин*, 1968, с. 37]. Судя по итогам исследований чжаоских длинных стен [*Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь*, 1981, с. 21—24], в результате этой операции территория царства увеличилась по меньшей мере вдвое и новые территории охватывали как раз северный берег Бэйхэ — северного отрезка излучины Хуанхэ — в районе, где комментатор разместил упомянутый Юйчжун.

Согласно «Чжао ши цзя», Су Ли направил в 283 г. до н. э. письмо чжаоскому вану от имени жителей царства Ци, обеспокоенных враждебным союзом Чжао и Цинь. В этом письме в том числе говорилось о возможных угрозах царству Чжао со стороны Цинь и его союзника — царства Янь: «Если Янь поглотит северные земли Ци, то Вы сократите на триста ли расстояние между Шацю и Цзюйлу, а у ханьского Шандана останется всего сотня [защитных] ли от Ханьдана. Правители Янь и Цинь, замыслив приобрести Ваши, ван, реки и горы и сократив себе путь до Вас на триста ли, быстро пройдут его. [Земли] циньской [области] Шанцзюнь близки к [чжаоской (? — см. ниже. — *А. К.*)] заставе Тиньгуань. До [района] Юйчжун тысяча пятьсот ли. Если циньцы из этих трех областей (в тексте «цзюнь», что обычно переводится «округ». — *А. К.*) нападут на Ваш Шандан, то земли к западу от Янчана и к югу от Гоучжу уже не будут Вам принадлежать, ван» [ШЦ, 6, с. 1817—1818; цит. по: *Сыма Цянь*, VI, с. 71].

«Три области (округа)», о которых говорится в тексте, — Цзюйлу и Ханьдань, располагавшиеся к востоку от Чжао, а также округ Шанцзюнь, образованный царством Цинь на землях сегодняшней Шэньси, к юго-западу от Чжао. Перевод Р. В. Вяткина отходит от пунктуации, принятой в современных изданиях «Ши цзи», где фразы о расположении заставы Тиньгуань и Юйчжуна разделены запятой, а не точкой, т. е. вторая фраза может восприниматься как пояснение первой.

То же рассуждение от имени Су Циня приводится в тексте «Чжаньго цэ» (Глава «Чжао 1», параграф «Чжао шоу тянься, це и фа Ци»): «Сейчас

Янь поглотило ханьскую Хэнань, достигло Шацю, и до границы [в] Цзюйлу [осталось] 300 ли [Цинь? — вряд ли имеется в виду царство Янь, поскольку его войска не могли прийти в это время до заставы Ханьгуань, где бы она ни размещалась согласно принятым версиям. — А. К.], достигло [заставы] Ханьгуань, до Юйчжуна 1500 ли. Если Цинь поглотит ханьский и вэйский Шандан, тогда в округа и уделы, [находящиеся на] территории союзных [Чжао] государств, не будет больше входить 700 ли плодородных и возделанных земель. Если эти три войска Цинь натянут арбалеты, находясь на вершине Янцзюня (в издании «Бао бэнь» — «Яньчана», [см. ЧГЦ, с. 610, прим. 11. — А. К.]), то это будет на землях, от которых до Ханьдани 20 ли. В дальнейшем (или «вот-вот») эти три циньских войска нападут на Ваш, ван, Шандан, также угрожая ему с севера, тогда [земли] на запад от Гоучжу уже не будут принадлежать Вам, ван» [ЧГЦ, с. 608].

Сходства и отличия приведенных текстов «Ши цзи» и «Чжаньго цэ», на наш взгляд, позволяют уточнить местоположение Юйчжуна, упоминаемого в обоих источниках. И в «Ши цзи», и в «Чжаньго цэ» упоминание Юйчжуна происходит в конструкции, симметричной упоминанию ханьских и чжаоских территорий, на которые должны напасть войска Цинь: в первом случае — ханьского Шандана, во втором случае — чжаоского Цзюйлу. Из этого уже можно сделать вывод о том, что указанный Юйчжун должен был располагаться на границе Чжао. Использование в этом контексте информации о другом Юйчжуне — том, который расположен недалеко от сегодняшнего Ланьчжоу в сотнях километрах от чжаоских земель и не входил в это время в состав земель Цинь, — по меньшей мере бессмысленно. Застава Тингуань, от которой до Юйчжуна должно быть 1500 ли, во втором случае названа заставой Ханьгуань с указанием того же расстояния до Юйчжуна. Если считать заставу Тингуань чжаоским пограничным пунктом, то нужно предположить, что она носила одновременно название «Ханьгуань», либо ошибку переписчика. В то же время застава Ханьгуань известна как пограничный пункт царства Чу на реке Янцзы, укрепленный для защиты от царства Шу, покоренного в конце IV в. до н. э. царством Цинь [см.: ЦГК, с. 268]. Как предполагает «Да ши цзи», «Ханьгуань» было обычным названием для застав в эпоху Чжаньго, и у Чжао должна была быть сухопутная застава с таким именем, а у Чу — речная [по ЧГЦ, с. 610, прим. 8]. Поэтому, наверное, авторы «исторического атласа Китая» поместили заставу Тингуань на территорию Ордоса (где, кстати, никакого чжаоского присутствия никогда не было) [ЧГЛШДТЦ, 1, с. 37—38]. Однако из контекста второго отрывка следует, что Ханьгуань — пункт, до которого добрались войска царства Цинь или его союзников, откуда до Юйчжуна 1500 ли. Такой заставой, близ которой в это время однозначно находились крупные соединения циньских войск, являлась как раз чуская застава Ханьгуань, от которой до «северного» Юйчжуна, находящегося на границе царства Чжао, было в точности 1500 ли, т. е. около 600 км [см.: ЧГЛШДТЦ,

1, л.45—46]. Поэтому приведенные отрывки из «Ши цзи» и «Чжаньго цэ» могут быть поняты буквально, без дополнительных построений о неизвестной чжаоской заставе. В них говорится, что царство Цинь и его союзник — царство Янь могут быстро перебросить свои войска на границы Чжао. Даже от самой южной точки, в которой находится соединение циньских войск, — от царства Шу, где они стоят на чуской границе близ заставы Ханьгуань, до северных границ Цинь недалеко, и Циньские войска могут быстро пройти расстояние в 1500 ли и оказаться в Юйчжуне — северо-восточном углу излучины Хуанхэ, на западной границе Чжао, что позволит напасть на это царство с северо-запада.

Таким образом, и в этих отрывках с гораздо большей вероятностью имеется в виду «северный», «ордосский» Юйчжун, нежеди отстоящий от района стратегического планирования на сотни километров «южный» Юйчжун, находившийся на тот период за пределами китайских государств и о циньском присутствии в котором в то время нет никаких сведений.

Еще одно сообщение о Юйчжуне в эпоху Чжаньго приведено в главе 51 «Хань шу» «Жизнеописание Гу [Шаня], Цзоу [Яна], Мэй [Чэна], Лу [Вэньшу]».

«Мэй Чэн, отвечая У-вану, сказал: “В прежние времена [княжестве] Цинь на западе отражало угрозу «ху-жун» (варваров. — А. К.), на севере держало наготове заставы Юйчжуна, на юге достигло укрепленной линии цянов и цзэ, на западе противостояло нашествиям «шести государств”» [XIII, 8, с. 2362]. В этом отрывке однозначно имеется в виду «северный», «ордосский» Юйчжун.

В 210 г. до н. э., как сообщает глава 6 «Ши цзи», «[Ши-хуан] переселил тридцать тысяч дворов в Юйчжун в районе Бэйхэ (в оригинале «Бэйхэ Юйчжун»), пожаловав [главам семей] один ранг знатности» [ШЦ, 1, с. 259; цит. по: *Сыма Цянь*, II, с. 82]. Р. В. Вяткин в своем переводе исходил из комментария «Чжэн и», разъясняющего, что в тексте имеется в виду Юйчжун, располагавшийся в уезде Юйлинь округа Шэнчжоу, т. е. в северо-восточном углу излучины Хуанхэ, на Бэйхэ [ШЦ, 1, с. 260, прим. 6].

В главе 7 «Ши цзи» «Сян Юй бэнь цзи» приводится текст письма полководца Чэнь Юя, направленного в 208 г. циньскому главнокомандующему Чжан Ханю, где упоминается о печальной судьбе Мэн Тяня: «Мэн Тянь, будучи циньским военачальником, на севере изгнал жунов, устроил [там] земли на протяжении нескольких тысяч ли в [области] Юйчжун, но в конце концов был обезглавлен в Янчжоу» [ШЦ, 1, с. 308; цит. по: *Сыма Цянь*, II, с. 128]. Комментарии к этому эпизоду расходятся. «Со инь» приводит мнение Фу Цяня, помещающего Юйчжун в уезд Цзиньчэн, т. е. в Ганьсу, а также противоположное суждение Су Линя, считающего Юйчжун областью в пределах округа Шанцзюнь, где находилась ставка Мэн Тяня, т. е. в северо-восточном углу Хэтао [ШЦ, 1, с. 309, прим. 6]. Контекст данного отрывка вкупе с вышеприведенными сведениями о походах Мэн Тяня в

северном направлении и о его многолетней деятельности именно в округе Шанцзюнь на Сихэ [ШЦ, 8, с. 2566] заставляет принять мнение Су Линя.

В главе 130 «Ши цзи» содержание главы 88 «Мэн Тянь лечжуань» («Жизнеописание Мэн Тяня») вкратце излагается следующим образом: «Волей [императора] Цинь было освоено еще большее множество земель, на севере низвержены сюнну, вследствие этого и река [Хуанхэ] стала рубежом, и горы стали укреплены, упрочили Юйчжун, [это] изложено [в главе] «Мэн Тянь лечжуань 28» [ШЦ, 10, с. 3315]. В главе «Мэн Тянь лечжуань» [ШЦ, 8, с. 1565—1566] говорится в интересующем нас аспекте исключительно о деятельности Мэн Тяня на северном направлении против варваров и о десятилетнем пребывании его в округе Шанцзюнь. Поход на «северо-запад» против «сюнну» и учреждение уездов вдоль Хуанхэ здесь не упоминаются. «Обустройству Юйчжуна» в тексте этого «Жизнеописания» соответствуют только лишь усилия Мэн Тяня по освоению земель «Хэнани» (Ордоса) и территорий севернее Бэйхэ, т. е. Сыма Цянем и здесь мог быть указан только «северный» Юйчжун, что совпадает с данными вышеуказанного письма Чэнь Юя.

Итак, все поддающиеся локализации упоминания Юйчжуна применительно к событиям доханьского времени относятся к «северному» Юйчжуну. Исходя из этого, Юйчжун, от которого «на восток вдоль Хуанхэ» располагались циньские новообразованные уезды, также необходимо размещать на севере, т. е. в восточной части северного участка излучины Хуанхэ. Такая локализация этого Юйчжуна позволяет снять все указанные выше неясности, появляющиеся при попытке протянуть полосу пограничных уездов от Ланьчжоу до Хух-Хото.

Таким образом, цепь учрежденных Цинь Ши-хуаном на 33-м году правления уездов шла по северному берегу северного отрезка излучины Хуанхэ, начиная от современного города Баотоу на восток вплоть до границы современной провинции Хэбэй, и говорить о циньской пограничной полосе с запада от Ордоса нет оснований.

Вышеприведенные сведения, а также иные сообщения «Ши цзи» о завоеваниях императора Цинь в 214—212 гг. до н. э. [ШЦ, 2, с. 757—758; 8, 2565, 2566; 9, 2887, 2890, 2906, 2923] показывают, что мы имеем дело определенно с двумя различными военными кампаниями.

Одна из них проводилась на северном направлении под руководством Мэн Тяня. Противниками циньцев здесь были некие варвары под обобщающими названиями «жунди» или «ху». В результате империя приобрела земли на северо-востоке Ордоса, укрепила район Юйчжуна (от Баотоу на восток), а также земли севернее Хух-Хото. Вокруг захваченных земель в Ордосе (от современного уезда Шэньму до современного города Токото) была построена стена, ограждавшая от нападений варваров стратегически важный путь из Цинь в Янь, обладание которым обеспечивало единство

империи Цинь Ши-хуана. В результате анализа письменных источников и сведений о размещении длинных стен эпох Чжаньго выяснилось (в дополнение к «северной» локализации Юйчжуна и «хэ шан сай», т. е. укреплений в верхнем течении восточного отрезка излучины Хуанхэ), что и «прямой тракт», построенный затем на захваченных землях Мэн Тянем из Ганьцюань в Цзююань, проходил восточнее ордосской линии укреплений, которую мы связываем с деятельностью Мэн Тяня, а не был направлен к современному Баотоу (как утверждают китайские исследователи, уверенные в захвате Цинь Ши-хуаном всего Ордоса [см.: *Ши Няньхай*, 1975]). Этот путь напрямую соединял территории бывших царств Цинь и Янь через Цзююань, которая находилась не с севера от излучины Хуанхэ, а в северном течении восточного ее отрезка (согласно «Ко ди чжи», административный центр циньского округа Цзююань находился в уезде Лянгу танского округа Шэнчжоу, т. е. на землях современного уезда Шэньму провинции Шэньси [КДЧ, с. 65, ЧГГЦДМДЦД, с. 857]), и потому имел большое значение для сохранения единства империи [см.: ШЦ, 1, с. 264; 6, с. 1811, 1812—1813; 7, с. 2298; ЧГЦ, с. 1052].

Вторая кампания разворачивалась на северо-западном направлении — возможно, против «сюнну». Длинная стена, построенная здесь в начале III в. до н. э. циньским Чжао-сян-ваном, т. е. граница циньских земель ко времени начала завоевательных походов Ши-хуана проходила значительно южнее Хуанхэ, от современного Линьтао через Гуюань на Хуаньсянь [*Ши Няньхай*, 1981, с. 60—62; *Чэнь Шоучжун*, 1984, с. 88—96; *Пэн Сичжу*, 1990]. Северо-запад, с точки зрения циньских хронистов, располагался как раз между этой стеной и Хуанхэ, на землях сегодняшнего Нинся — Хуэйского АР КНР. Если наше предположение верно, должны существовать еще какие-либо подтверждения оккупации этих земель войсками империи Цинь.

Согласно ходу событий, воспроизводимому в главе 110 «Ши цзи», после смерти Ши-хуана и начала смуты в империи «сюнну почувствовали свободу, постепенно переправились на южный берег Хуанхэ и стали граничить со Срединным государством по старой укрепленной линии (в оригинале «гу сай»)» [ШЦ, 9, с. 2887—2888, цит. по: *Таскин*, 1968, с. 38]. Под «старой укрепленной линией» подразумеваются, как уже указывалось, стены циньского Чжао-сян-вана [об этом — ЛДГЦЧЦХБ, с. 20—21, прим. 10], построенные от Линьтао до Суйдэ и, по мнению (как показано выше, — ошибочному) многих исследователей, далее на север до Токото [см.: *Ши Няньхай*, 1981; *Чэнь Шоучжун*, 1984; *Пэн Сичжу*, 1990]. Однако через несколько лет Маодунь «на юге присоединил земли, принадлежавшие правителям [или «правителю». — *А. К.*] [племен] лоуфань и байян; ... полностью вернул сюннуские земли, отобранные Мэн Тянем по приказу [императора] Цинь, и установил с Хань границу по прежней укрепленной линии к югу от Хуанхэ [в оригинале «гу хэ нань сай». — *А. К.*] до Чжаона и Фуши» [ШЦ, 9, с. 2890; цит. по: *Таскин*, 1968, с. 39]. Можно ли считать

сообщения о совершенном дважды присоединении земель до «старой укрепленной линии» ошибочными, поскольку на первый взгляд в них просматривается необъяснимый повтор, разрушающий логику изложения событий? На наш взгляд, в этих эпизодах «Ши цзи» автор не допустил ошибки. Длинная стена Чжао-сян-вана («гу сай»), как уже говорилось, начиналась на западе близ современного города Линьтао в провинции Ганьсу или еще далее на юго-запад — в уезде Миньсянь провинции Ганьсу [см.: *Ши Няньхай*, 1981, с. 60—61, рис. 7]. Однако во втором отрывке говорится о захвате Маодунем земель «до Чжаона и Фуши», т. е. прилегающих к восточному участку стен — от современной Гуюани в Нинся до Суйдэ в Шэньси [см.: ЧГЛШДТЦ, 2, л. 5—6]. Этот участок стен точно назван «хэ нань сай», поскольку он располагается, в отличие от западного отрезка, прямо на юг от излучины Хуанхэ. Таким образом, можно реконструировать следующую непротиворечивую картину событий. Кочевники (возможно, собственно «сюнну») переходят Хуанхэ на юг в районе от Ланьчжоу до Чжунвэя, вновь занимают здесь покинутые китайским населением собственные земли и вплотную приближаются к стенам Чжао-сян-вана на участке от Линьтао до Гуюани. Восточнее, в Ордосе, на этот момент размещаются кочевья лоуфаней и байян, а земли в верхнем течении восточного отрезка излучины Хуанхэ, захваченные Мэн Тянем, продолжают оставаться под властью китайских правителей. На следующем этапе Маодунь покоряет лоуфаней и байян, захватывает ранее завоеванные китайцами земли на востоке Ордоса и только тогда тем самым утверждает на землях напротив продолжения стен Чжао-сян-вана на отрезке «Чжаона-Фуши», т. е. от Гуюани до Суйдэ.

Таким образом, приведенные отрывки указывают на существование отдельного земельного анклава, завоеванного Цинь Ши-хуаном на северо-западном направлении (в ходе вышеуказанной «северо-западной кампании»), до Хуанхэ на отрезке приблизительно от Ланьчжоу до Чжунвэя. Эти земли территориально были отрезаны от северных приобретений Цинь Ши-хуана ордосскими кочевьями лоуфаней и байян.

На этой же территории, по нашему предположению завоеванной Цинь в ходе северо-западной кампании 214 г., позже, в западноханьское время, располагался район, имевший на название «Синьцинъюн», т. е. «вновь приобретенные земли Цинь». Его стали заселять при императоре У-ди, после походов Вэй Цина, отвоевавшего у сюнну земли Хэнань (Ордоса) и Шофана (на северо-запад от излучины Хуанхэ). «Сюнну лечжуань» (запись за 121 г. до н. э): «После того, как [династия] Хань приобрела князя Хунье, набеги хуцев на округа Лунси, Бэйди и Хэси еще более сократились: в связи с этим из земель к востоку от заставы был переселен бедный люд для заселения района Синьцинъюн, находившегося на отобранных у сюнну землях к югу от реки, наполовину уменьшилась численность гарнизонов к западу от округа Бэйди» [ШЦ, 9, с. 2909; цит. по: *Таскин*, 1968, с. 54].

В комментарии «Со инь» к этому отрывку говорится, что Синьцинъюн располагался «от Чанъани (сегодняшняя Сиань. — А. К.) к северу, от Шофана к югу» и приводится фраза из «Хань шу» (глава 246 «Ши хо чжи») о том, что народ переселялся «на запад, вплоть до находящегося южнее Шофана Синьцинъюна», согласно комментарию «Чжэн и» Синьцинъюн располагался в округе Бэйди, севернее столицы Чанъань, южнее Шофана. Тот же комментарий, однако без объяснений, локализует Сицинъюн на землях, завоеванных Мэн Тянем, что, как мы видели, не соответствует действительности [ШЦ, 9, с. 2910, прим. 2]. В главе 30 «Ши цзи» «Пин чжунь шу» это же переселение упоминается за 120-м годом до н. э.: «Стали переселять бедный народ на земли к западу от застав и заполнять (народом) Синьцинъюн, что к югу от Шофана. Более 700 тысяч душ в одежде и пище полагались теперь на казну» [ШЦ, 4, с. 1425; цит по: *Сыма Цянь*, IV, с. 207]. Заселяемый в 121—120 г. Синьцинъюн находился в пределах излучины Хуанхэ, поскольку только в 119 г. ханьское население перешло через западный отрезок излучины реки. Так говорит «Сюнну лечжуань»: «После этого (т. е. военной кампании 119 г. до н. э. — А. К.) сюнну бежали далеко, и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ повсюду, от Шофан и далее на запад до Линцзюй, построили оросительные каналы, поставили чиновников, ведавших вопросами земледелия, [поселили] солдат в количестве пятидесяти-шестидесяти тысяч человек, и, понемногу захватывая земли, стали граничить с сюнну по их [бывшей] северной границе» [ШЦ, 9, с. 2911; цит. по: *Таскин*, 1968, с. 55]. Согласно приведенным комментариям, Синьцинъюн находился в округе Бэйди. Однако об этом же прямо сказано в главе 30 «Ши цзи» за 113-м (? — см. ниже) годом до н. э.. В этом году из округа Лунси император «направился на север через горный проход Сяогуань... Император поохотился в Синьцинъюне и, перед тем как вернуться (в столицу), стал проверять войска на границе. При этом [обнаружилось, что] в районе Синьцинъюна на протяжении тысячи ли нет постов и дозоров. Тогда [император] казнил правителя [северной] (вставка переводчика не обоснована. — А. К.) области Бэйди и нижестоящих чиновников [ответственных за это] и повелел предоставить народу [переселиться] в уезды вдоль границы, чтобы заниматься там скотоводством. Власти заимообразно давали [таким переселенцам] кобылиц, которых через три года те обязаны были возвращать, а в качестве платы отдавать одного из десяти [молодых жеребят]. Используя освобождение от обвинений в накоплении [излишних] богатств, заполняли [населением] район Синьцинъюна» [ШЦ, 4, с. 1438; цит по: *Сыма Цянь*, IV, с. 218]. Как мы видим, последний отрывок локализует Синьцинъюн севернее прохода Сяогуань на границе округа Лунси) на юго-востоке уезда Гуюань в Нинся [см.: *Сыма Цянь*, IV, с. 334]), на территории, однозначно подведомственной управлению округа Бэйди и не имеющей отношения к иным ханьским округам: Шофан, Уюань, Юньчжун,

Шанцзюнь, в пределах которых локализируются завоевания Мэн Тяня. Синьцинъчжун при этом граничил с сюнну на протяжении 400 километров, причем граница проходила по степи. Западноханьский округ Бэйди на севере («севернее прохода Сяогуань») охватывал пустынные земли, ныне — север Нинся-Хуэйского АР КНР. Судя по тому, что император выехал в округ Бэйди из округа Лунси через проход Сяогуань, указанные события происходили до образования нового округа Аньдин, в который вошли земли округов Лунси и Бэйди как раз в этом районе. Согласно «Ди ли чжи» («Хань шу», глава 286), образование округа Аньдин приходится на 114-й год до н. э (третий год эры правления юань-дин) [XIII, 6, с. 1615], однако Сыма Цянь не учитывает этого изменения административного устройства, что может указывать на ошибку в хронологии событий. Как мы отмечали выше, земли Синьцинъчжуна должны были располагаться восточнее Хуанхэ. Поэтому Синьцинъчжун (если он рассматривается в границах округа Бэйди до образования округа Аньдин) должен находиться в пределах территории, с запада ограниченной Хуанхэ на отрезке от Ланьчжоу до Инчуани, а с севера и востока — современной границей Нинся [см.: ЧГЛШДТЦ, 2, л. 5—6, 17—18; XIII, 6, с. 1616].

Итак, можно обоснованно предполагать, что во время похода 214 г. «на северо-запад» против сюнну армией Цинь были завоеваны земли к юго-востоку от Хуанхэ на отрезке от Ланьчжоу до Чжунвэя или Иньчуани, ставшие позже известными под названием «Синьцинъчжун».

«Сюнну лечжуань» говорит, что некогда шаньюй сюнну, отец Маодуня Тоумань ушел на север после столкновения с Цинь [ШЦ, 9, с. 1887]. Переводы этого отрывка сильно отличаются по смыслу. В переводе В. С. Таскина: «Тоумань, оказавшись не в силах покорить [царство] Цинь, переселился на север» [Таскин, 1968, с. 37]. Вставка «царство» однозначно относит описываемые события к эпохе Чжаньго, т. е. до принятия Ши-хуаном титула императора. С другой стороны, переводчик представляет Тоуманя агрессором, который якобы пытался покорить Цинь (необходимо отметить, что столь далеко идущие планы шаньюя не находят подтверждения в других источниках и представляются совершенно невероятными). Такой перевод не дает возможности связать бегство Тоуманя с кампанией 214 г. против «сюнну» на северо-западе, где именно «сюнну» стали объектом нападения китайских войск, а не наоборот. Однако оригинальный текст не содержит слова «царство», а иероглиф «шэн» не может быть переведен словом «покорить». В гораздо более достоверном и, собственно, буквальном переводе Де Грота фраза выглядит так: «*Touman war Qin nicht überlegen und zog nach Norden*» [De Groot, 1921, S. 48] (Тоумань не превозмог Цинь и ушел на север. — А. К.). Так что, в свете вышеизложенного, подлинные слова Сыма Цяня могут означать, что Тоумань ушел на север именно с земель «Синьцинъчжуна», в результате их захвата императором Цинь в 214 г. до н. э.. Это косвенно подтверждается еще и тем, что, согласно традиции, именно на север от Синь-

цинъюна какое-то время находилась ставка Тоуманя. Место, куда удалился Тоумань, не желая покориться Цинь, как предполагает Де Грот [*De Groot*, 1921, S. 48—49], было известно в ханьском Китае. Одна из крепостей в округе Уюань, в районе Бэйцзя севернее Бэйхэ, на западе освоенных ханьцами земель севернее Хуанхэ, которую «Ко ди чжи» относит к оборонительной линии гуанлу [102 г. до н. э.] [*Ко ди чжи*, с. 66], носила название «крепость Тоуманя» [*«Тоуманьчэн»*] [XIII, 6, с. 1620].

На основании вышеупомянутых сообщений «Ши цзи» Л. А. Боровкова также приходит к выводу о том, что императором Цинь были организованы две различные кампании: одна на «севере», другая — на «северо-западе», и только в ходе северо-западного похода циньские войска столкнулись с сюнну [*Боровкова*, 1990, с. 7]. Однако она локализует местопребывание сюнну северо-восточнее, чем мы, в северо-восточной части Ордоса, не учитывая данных о локализации Синьцинъюна, длинных стен эпохи Чжаньго, а также исходя из того, что Мэн Тянь якобы командовал тем и другим походом, что на самом деле, как мы показали, не следует из содержания источников.

Если обобщить вышеприведенные сведения о столкновениях китайских государств с хунну на западе и севере, легко представить, что подконтрольные последним земли в III в. до н. э. могли охватывать подковообразно излучину Хуанхэ, начиная от современного Ланьчжоу вдоль стены Чжао-сян-вана (тогдашней границы царства Цинь), затем на север по левому берегу Хуанхэ, огибая Ордос, заселенный племенами лоуфань и байян, и выходили на границы Янь и Чжао в районе северной окраины Дай (рис. 1). В центральной части этой дуги находились северные отроги горного массива Иньшань, где, по косвенным сведениям, находилась ставка Тоуманя и пребывал до захвата престола Маодунь. «Именно среди этих гор шаньюй Маодунь нашел себе прибежище, здесь он изготовлял луки и стрелы, отсюда совершал набеги, это был его заповедник для разведения диких птиц и зверей» [XIII, 11, с. 3803; цит. по: *Таскин*, 1973, с. 40].

Так что исторически сюнну (хунну) заселяли пустынные степи, в пределах которых и впоследствии находилась ставка шаньюя, что и предопределило общеизвестную специфику их кочевого образа жизни; на западе сюнну граничили с юэчжами, жившими в районе Ганьсуйского коридора [ШЦ, 9, 2888, прим. 1; КДЧ, с. 219], а на востоке — с дунху (см. выше). Изменение «геополитической ситуации» началось только во времена Маодуня.

Именно на тех землях, где, по данным письменных источников, должны были присутствовать хунну в доханьскую эпоху, известны комплексы эпохи Чжаньго, содержащие предметы, которые относятся к типам, характеризующим культуру хунну более позднего времени.

В современном уезде Лянчэн (Внутренняя Монголия), где, по нашему предположению, полководец Ли Му сражался с силами кочевников под руководством шаньюя хунну, были исследованы три могильника северных

варваров, все в современном уезде Лянчэн (Внутренняя Монголия): Маоцингоу, Иннюгоу и Госяньяоцзы [Вэй Цзянь, 1984, 1989; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 227—341; *Graberkatalog* Maoqinggou, 1992] (рис. 1, 1—3). Большинство захоронений в этих трех могильниках совершены в подпрямоугольных в плане ямах, ориентированных длинной осью приблизительно по линии запад—восток, на спине, вытянуто, головой в восточный сектор. В головах погребенного были установлены глиняные сосуды и уложены головы крупного и мелкого рогатого скота. Наиболее характерной чертой таких погребений является содержащаяся в них керамика: бомбовидные плоскодонные сосуды с невысоким воронковидным горлом без выделенного венчика без ручек (Маоцингоу М3, М5, М6, М9, М11, М22, М29, М30, М33(?), М37, М41, М42, М43, М44, М45, М46, М58, М60, М62, М63, М65, М68, М74, М75 [Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 252—257, рис. 27(1, 2, 4—9), 28(1, 3—6), 29(2), табл. 96(1, 2, 4), 97(1—3)], Госяньяоцзы М1, М2, М21, М26(?), М28, М29 [Вэй Цзянь, 1989, рис. 10(5—8, 12, 13), табл. 14(2—6), 15(4, 5)], Иннюгоу М5, М9 [Вэй Цзянь, 1984, рис. 9(3, 4)], либо с двумя ручками на плечиках Маоцингоу М3, М59 [Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, рис. 27(3), 28(2), табл. 96(3), 97(4)], Госяньяоцзы М3, М5, М7, М9, М11, М12, М13, М19, М20, М22, М23, М27(со срезанным горлом) (раструб горла сосудов из могил М19, М20 не показан на рисунке в публикации, но виден на фотографии)[Вэй Цзянь, 1989, рис. 9, табл. 12, 13] (по опубликованным рисункам и фотографиям). В инвентарь таких погребений входили также специфические бронзовые бляхи, изображающие идущего волкообразного хищника (Маоцингоу М5, М55, М74) [Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 280, рис. 45, табл. 67—68]. Видимо, такие же парные бляхи, выполненные из железа и поэтому сильно коррозированные, обнаружены в могилах Маоцингоу М27, М31, М38 [Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 280, табл. 73; *Katalog*, S. 114]. Не встречены в иных регионах степи и найденные здесь же бронзовые бляшки с изображением орлиных головок (Маоцингоу, М8, М9, М10, М17, М44, М47, М59, М61, М65, М71, М72; Иннюгоу, М9; Госяньяоцзы М1, М2, М5, М8, М12 [Вэй Цзянь, 1984, с. 29, рис. 8(2) (выполнен неверно), табл. 8(2) (фото); 1989, с. 67, 79—80, рис. 11(1—5), табл. 16(5—8); Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 272—276, рис. 42, табл. 87]. В остальном инвентарь погребений схож с инвентарем могил VI—III вв. до н. э., исследованных на северной и северо-западной границах китайских государств [см.: Линь Юнь, 1993; Чэнь Пин, 1996].

Единство погребального обряда рассматриваемых погребений и наличие в них специфического инвентаря позволяют говорить об их типологическом и хронологическом единстве.

Обнаруженные здесь кинжалы с биволютными навершиями, проушные чеканы, пряжки для ременного набора с изображением центральносимметрично расположенных головок грифонов либо завитков заставляют отнести все эти комплексы к поздне скифскому времени, к V(VI)—III вв. до

н. э. Нет необходимости приводить аналогии предметам каждой из этих категорий, поскольку это сделал в своей статье проф. Г. Коссак, детально проанализировавший материал из могильника Маоцингоу, относящийся к более широкому кругу скифо-сакских культур [Kossack, 1992, S. 97—106; см. также: Семенов, 1997, с. 19, рис. 26].

Китайский клевец «гэ» из типичной по погребальному обряду M58, где, по описанию, обнаружен также сосуд с воронковидным горлом, бомбовидным туловом и текстильными отпечатками (тип АII, по Тянь Гуанцзиню и Го Сусинь) [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 253], можно датировать по аналогиям самым концом эпохи Чуньцю [Хаяси Минао, 1972, рис. 60; Rhi, 1992, S. 34], схожие экземпляры датируются и эпохой Чжаньго, о чем пишет Г. Коссак, опираясь на типологический ряд «гэ» по Ли Цзи, а также на выводы М. фон Деваль [Kossack, 1992, S. 101]. На мой взгляд, неправильно сравнивать этот клевец с предметом из комплекса Наньшаньгэнь 1958 г., как это делают авторы китайской публикации [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 300], поскольку ось бойка «гэ» из Маоцингоу, в отличие от наньшаньгэньского, резко поднята вверх по отношению к оси обуха. С другой стороны, странно проводить параллели и с некоторыми памятниками эпохи Западная Хань, как это делает С.-К. Псаррас [Psarras, 1995, p. 9—10], поскольку клевцы из этих западноханьских комплексов похожи на клевец из Маоцингоу совсем не теми чертами, которые имеют доказанное хронологическое значение. Таким образом, наиболее вероятной датой комплекса является V в. до н. э.

В типичной по обряду могиле Маоцингоу M27 совместно с зооморфной бляхой из железа обнаружено китайское бронзовое копье, относящееся к III в. до н. э. [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 301; Rhi, 1992, S. 35; Хаяси Минао, 1972, рис. 151—155, прил. 2, рис. 152, 154], С.-К. Псаррас, правда, приводит аналогии этому предмету и из комплексов эпохи Западная Хань [Psarras, 1994, p. 9—10].

Таким образом, рассматриваемые погребения относятся ко времени до возвышения Маодуня, и имеет смысл рассмотреть наличие в их инвентаре следов влияния сюнну, чье военное присутствие в этом регионе в IV—III вв. до н. э., как было показано выше, зафиксировано письменными источниками. Полагаю, можно отнести погребения с восточной ориентировкой в могильниках Иннюгоу, Госяньяоцзы и Маоцингоу к памятникам племени линьху, упоминающимся источниками на север и запад от царства Чжао и на север от царства Янь [ШЦ, 6, 1806, 7, с. 2243; 8, с. 2249—2450; 9, с. 2883, 2885; ЧГЦ, с. 1039]. Как уже говорилось, комментатор Жу Чунь (189—265 гг.) идентифицировал линьху и «даньлинь», — по нашему мнению, обобщенное название племен (включая линьху), с которыми сражался Ли Му в первой половине III в. до н. э. [ШЦ, 9, с. 2885]. Согласно «Ко ди чжи», даньлинь в эпоху Чуньцю обитали в танском округе Шочжоу, управление которого находилось в Маи [ШЦ, 9, с. 2885, прим. 11; КДЧ, с. 81—82], т. е. на севере

Шаньси и прилегающих землях АР Внутренняя Монголия [см.: *Малявкин*, 1981, с. 107]. Исключительно на основании фразы из главы 43 «Ши цзи»: «На двадцатом году [правления, 306 г.] [Улин-еван отнял земли [царства] Чжуншань вплоть до Нинцзя, на западе отнял земли ху вплоть до Юйчжуна. Ван линьху преподнес лошадей» [ШЦ, 6, с. 1811]; ряд исследователей помещают линьху в Ордосе, исходя из «западной» локализации Юйчжуна, — как мы показали, ошибочной [см.: *Чжунго лиши дитуцзи*, 1982, 1, л. 31—32 и др.].

В типичных по обряду погребениях могильника Госяньяоцзы обнаружены костяные трехгранные стрелы с расщепленным насадом (Госяньяоцзы, М6, М14) и костяные концевые накладки на лук (Госяньяоцзы, М2, М6, М21). [*Вэй Цзянь*, 1989, с. 71, 72, 79, 80, рис. 14(1, 13), табл. 11(3—5, 9)] (рис. 2, 1—6, 7—9, 11—24).

На типичных для указанных погребений сосудах с воронковидным горлом, найденных в типичных погребениях с ориентировкой в восточный сектор, в ряде случаев появляется орнамент в виде бегущей волны, ограниченной сверху и снизу одной-двумя горизонтальными линиями. Такие сосуды обнаружены в могиле Госяньяоцзы М28 [*Вэй Цзянь*, 1989, с. 65, рис. 10(6), табл. 15(4), на рисунке сосуд изображен неверно, якобы с расщепленным валиком на тулове, в то время как по фотографии видно, что никакого валика на тулове нет, а вместо этого по средней части тулова нанесен орнамент из двух двойных вдавленных горизонтальных линий, между которыми проходит такая же волнистая линия], Маоцингоу М5, М33, М37, М62, М63 [*Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь*, 1986, с. 253—257, рис. 27(1, 7, 9), 28(3), 29(2), табл. 96(1), 97(1), 98(1)] (рис. 2, 10, 3, 4).

Три костяные концевые накладки на лук найдены также в погребении М1 могильника Бэйсиньбао (уезд Хуайлай, провинция Хэбэй), на северо-западной окраине царства Янь [*Лю Лайчэн*, 1966, с. 238, рис. 9(10)] (рис. 1, 4). Богатый инвентарь этого погребения включал в том числе бронзовые сосуды *дин*, *ху*, *фоу*, *цзянь*, бронзовый клевец *гэ*, четыре однотипных бронзовых ножа, бронзовый кинжал китайского производства, бронзовый кинжал-акинак с биволютным навершием, бронзовые детали колесницы, два каменных оселка, бронзовые колокольчики и различные мелкие украшения [*Лю Лайчэн*, 1966, с. 231—238, рис. 2-9] (рис. 4, 7—22). Клевец *гэ* из М1 может быть датирован концом IV—первой половиной III в. до н. э. [*Хаяси Минао*, 1972, рис. 98, прил. 2, рис. 113, 133, 135, 136, 155, 167]. Найденные в могиле бронзовый кинжал китайского производства и бронзовые ножи с кольцевым навершием относятся к эпохе Чжаньго [*Хаяси Минао*, 1972, рис. 290, 345], а бронзовый кинжал с биволютным навершием типичен для памятников V—IV вв. до н. э. Южной Сибири. Автор статьи датирует могилу по бронзовым сосудам, относящимся, по его мнению, к рубежу Чуньцю—Чжаньго [*Лю Лайчэн*, 1966, с. 242], однако форма клевца *гэ* указывает скорее на поздний период Чжаньго.

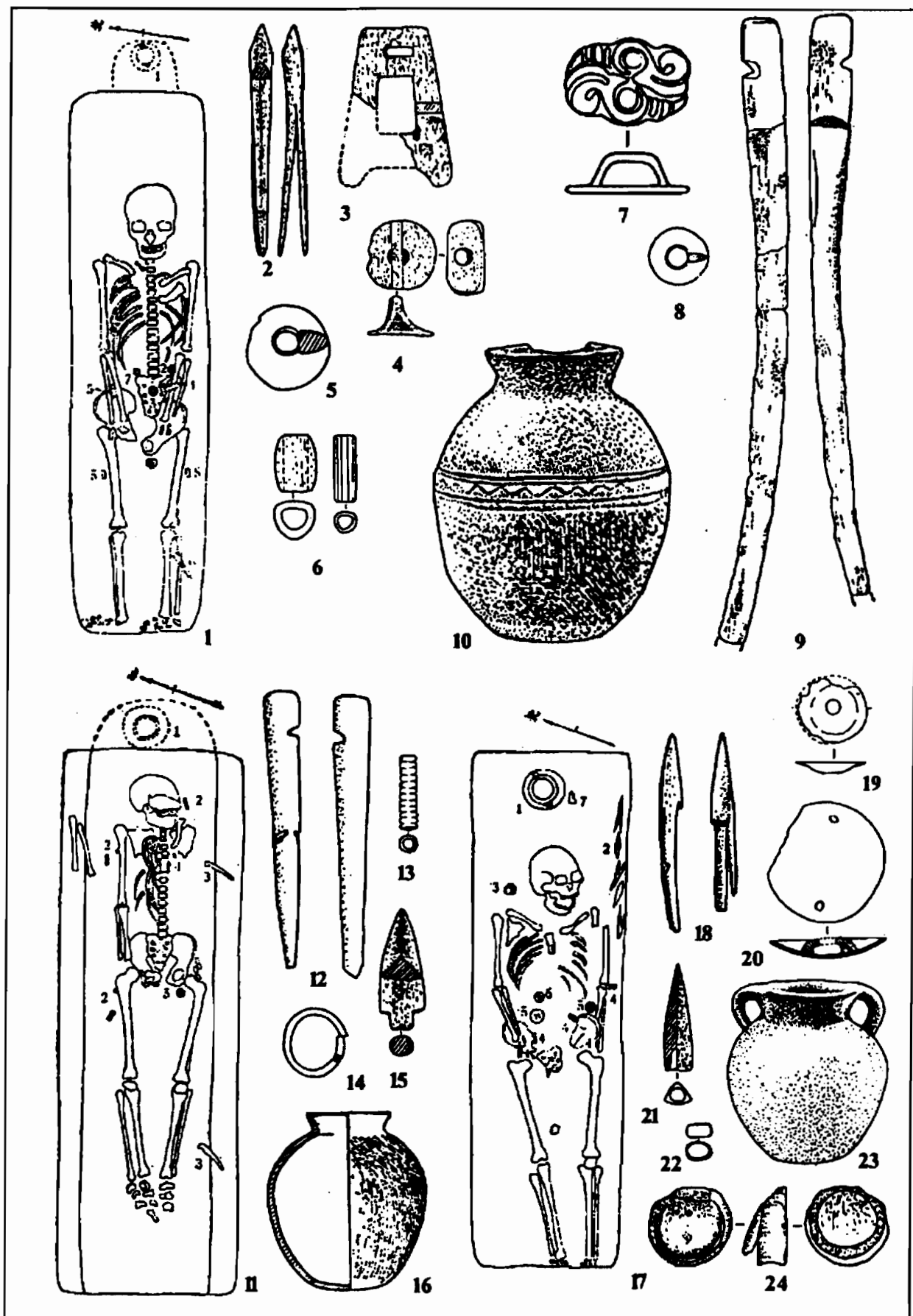

Рис. 2. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну:
 1—9, 11—25 — могильник Госяньяоцзы (уезд Лянчэн, АР Внутренняя Монголия):
 1—6 — М14, 7—9 — М2, 10 — М28, 11—16 — М21, 17—24 — М6 [по Вэй Цзянь, 1989].
 2—4, 6, 9, 12, 15, 18, 21 — кость; 5, 8 — камень; 7, 13, 14, 19, 20, 22, 24 — бронза;
 10, 17, 24 — керамика.

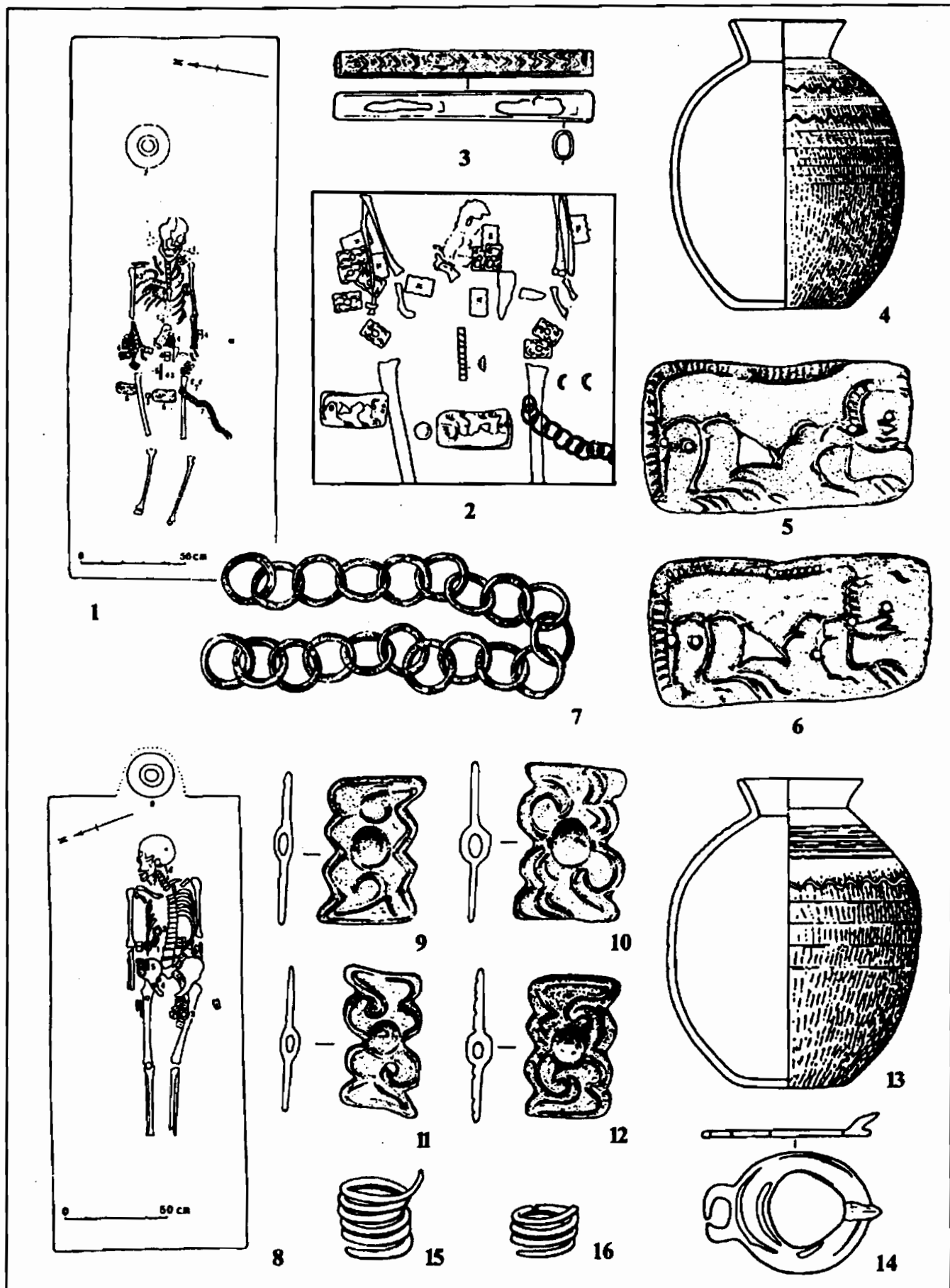

Рис. 3. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну. Могильник Маоцингоу (уезд Лянчэн, АР Внутренняя Монголия): 1—7 — М5, 8—14 — М63 [по Graberkatalog, 1992]. 3, 5—7, 9—12, 14—16 — бронза; 4, 13 — керамика.

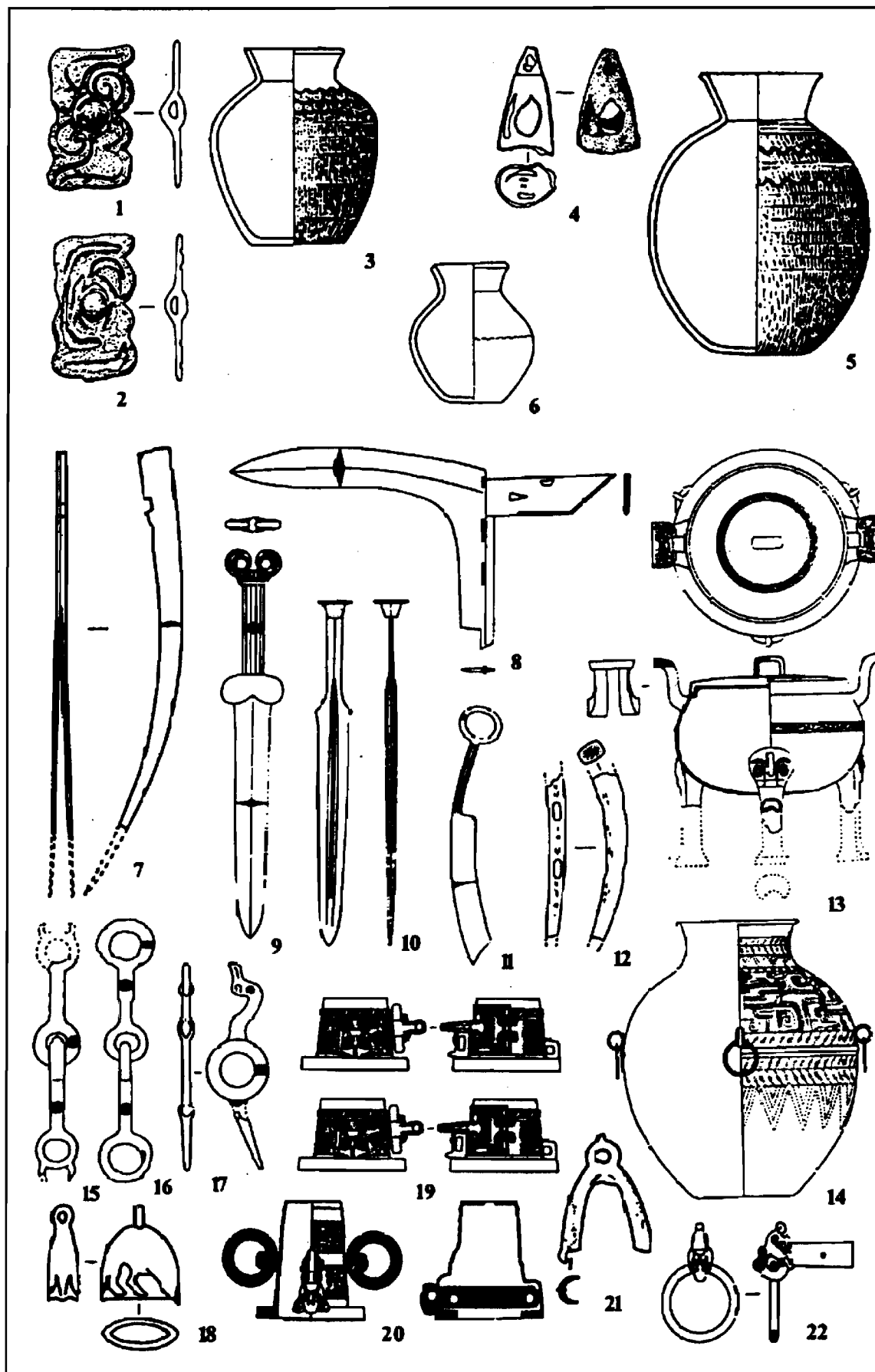

Рис. 4. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну.
 1—6 — могильник Маоцингоу (уезд Лянчэн, АР Внутренняя Монголия) (1—3 — М37;
 4—5 — М62; 6 — М33) [по Graberkatalog, 1992]; 7—22 — могила Бэйсиньбао М1
 (уезд Хуайлай, Хэбэй) [по Лю Лайчэн, 1966]. 1, 2, 4, 8—11, 13—22 — бронза;
 3, 5, 6 — керамика; 7, 12 — кость.

Костяные концевые накладки на лук обнаружены и в ряде датированных комплексов эпохи Чжаньго в районе ханьского Синьциньчжуна, «на северо-запад» от бывшего царства Цинь, в нынешней волости Пэнбу уезда Гуюань в Нинся (рис. 1. 5—7).

Костяная концевая накладка на лук была обнаружена в могиле из Дабэйшань (волость Пэнбу, уезд Гуюань, Нинся). В могильной яме обнаружены 20 овечьих черепов, по 4 лошадиных и коровьих черепа. В комплекс входили также бронзовое копье с ромбическим пером, бронзовый пластинчатый нож, бронзовая бляшка с изображением двух хищников, два бронзовых навершия с шаровидным завершением, 10 бронзовых выпуклых округлых блях со скобой на лицевой стороне, оселок, костяная бляшка в виде трех соединенных дисков, костяные колечки, костяной разделитель ремней, квадратные костяные бусины, костяной псалий с двумя отверстиями [*Чжун Кань, Хань Кундун*, 1983, с. 203, рис. 2, табл. 11(2)] (рис. 5, 1—11).

Такая же парная накладка длиной 14, шириной 1.6 см найдена в могиле Юцзячжуан SM2 — подпрямоугольной земляной яме, ориентированной длинной осью по линии запад—восток. Вместе с ней в могиле были обнаружены бронзовые удила, бронзовые бляшки от наборного пояса в виде двух запятых, костяная обойма, костяная накладка [*Чжун Кань и др.*, 1995, с. 80, 89, 93, 98, 100, рис. 12(13), 14(15), 18(2, 8), табл. 17(5), 18(2)] (рис. 5, 12—15).

Костяная концевая накладка на лук была найдена в могиле Самэнцунь M2 (волость Пэнбу, Нинся) (земляная яма, погребенный ориентирован головой на восток, на дне лежали черепа лошади, овцы(2), коровы), где наряду с ней были обнаружены костяные псалии с отверстиями в разных плоскостях, 6 бронзовых колокольчиков разных типов, двухдырчатые роговые псалии, бронзовые бляхи от конского убора, 2 изогнутые бронзовые трубки [*Ло Фэн, Хань Кунлэ*, 1990, с. 403, 417, рис. 6(7), 8(6, 7), 9(1—4), 10(3, 7), 14(8)] (рис. 5, 16—27).

Бронзовые копья с ромбическим пером и костяные псалии с отверстиями в разных плоскостях являются характерным инвентарем погребений в подпрямоугольных в плане земляных ямах, часто сопровождающихся захоронениями лошадей с элементами боевых колесниц. Еще в 1992 г. я отнес копья с ромбическим пером к этноопределяющим признакам материальной культуры ицьюйских жунов [*Ковалев*, 1992, с. 98—100], о покорении которых в конце IV в. до н. э. царством Цинь сообщают источники [см.: ШЦ, 1, с. 206; 9, с. 2885]. «Хань шу» (глава 286) указывает Ицьюдао как округ области Бэйди [XIII, 6, с. 1616]. Согласно «Ко ди чжи», Нинчжоу, Юаньчжоу и Цин — танские округа, которые размещены на землях, бывших в эпоху Восточного Чжоу территорией государства ицьюйских жунов [КДЧ, с. 61, см.: *Мэн Вэньтун*, 1958, с. 106]. Таким образом, территория, занимаемая ицьюйскими жунами, охватывала во всяком случае район современной Гуюани и уезды Цинъян и Нинсянь в Ганьсу [*Малявкин*, 1981, с. 232, 235]. Поскольку

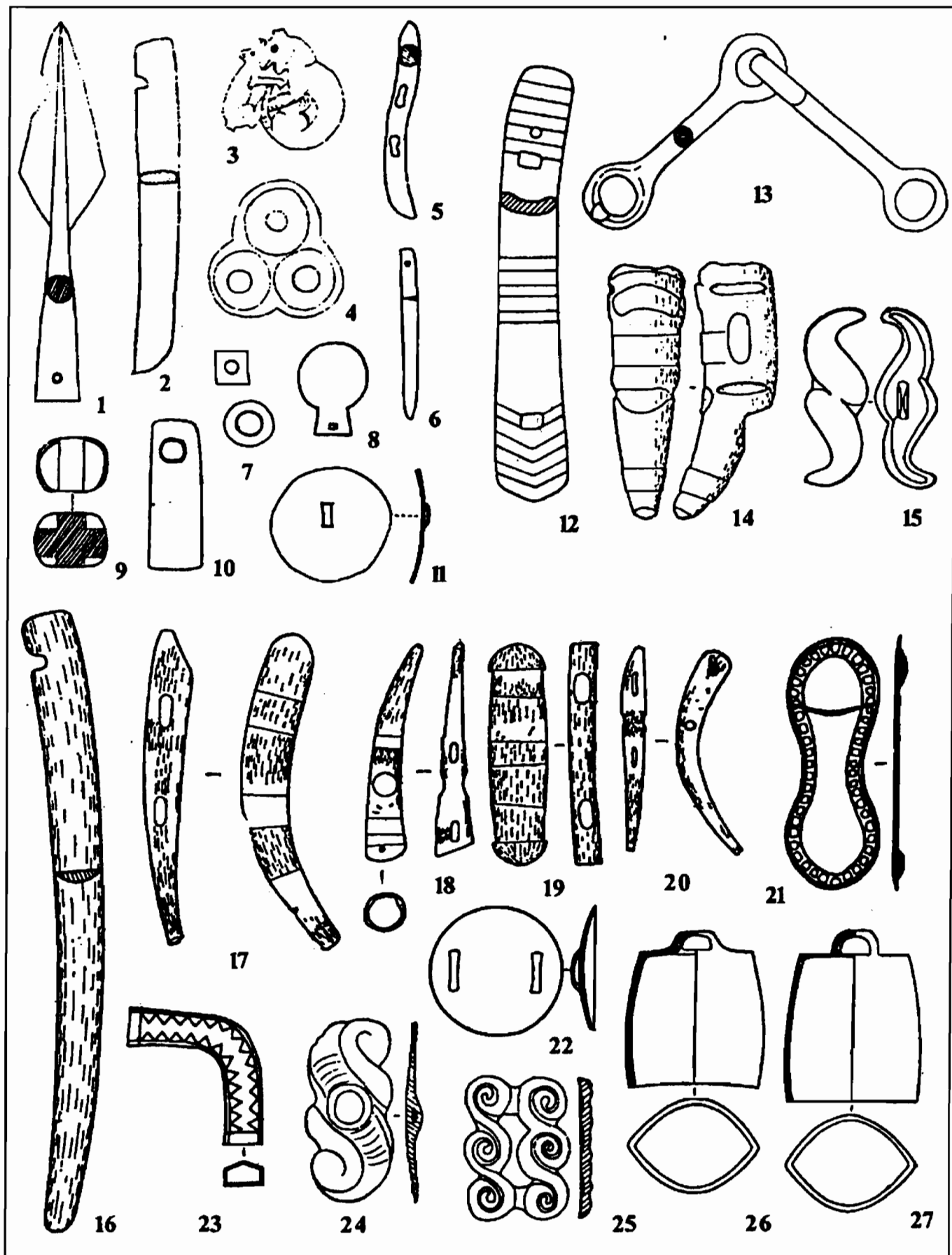

Рис. 5. Комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну (уезд Гуюань, Нинся).

1—11 — Дабэйшань [по Чжун Кань, Хань Кундун, 1983]; 12—15 — Юцзячжуан SM2 [по Чжун Кань и др., 1995]; 16—27 — Самэнцунь M2 [по Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1990].
 1, 3, 8, 6, 11, 13, 15, 21—27 — бронза; 2, 5, 7, 9, 12, 14, 16—20 — кость; 10 — камень.

после покорения ицьюйских жунов на рубеже IV-III вв. до н. э. по границе новоприобретенных земель государство Цинь (при Чжао-сян-ване) построило длинную стену (о ней см. выше), ицьюйские жуны должны были в IV в. до н. э. как минимум владеть землями к югу от этой стены в Нинся и в районе Циньян в Ганьсу. Это как раз район наибольшей концентрации находок бронзовых копий с ромбическим пером.

В ряде комплексов, содержащих копия с ромбическим пером, были найдены датирующие предметы, происходящие с Центральной Равнины. Клевец «гэ» из могил Янлан М4, Гуантай и Люпинцунь датируются средним периодом эпохи Чжаньго—IV в. до н. э. [*Ню Чэн и др.*, 1993, с. 22, 28, 30, 35, 37, 47, 53, рис. 11, 16(1, 13), 17(17), 20(6, 8), 28(6), табл. 6(4); *Ло Фэн, Ян Шичжун*, 1993, с. 17—18, рис. 1; *Янь Шичжун*, 1992; *Хаяси Минао*, 1972, прил. 2, рис. 91]. Клевец «гэ» из Шилацунь может быть датирован поздним периодом Чуньцю — первой половиной V в. до н. э. [*Ло Фэн*, 1983; *Хаяси Минао*, 1972, прил. 2, рис. 31]. Клевец «гэ» из Юаньцзя и Самэнцунь М3 могут датироваться началом эпохи Чжаньго — второй половиной V в. до н. э. [*Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь*, 1988, с. 413—414, рис. 2(6, 11, 12, 13, 14, 15), 4(1, 2, 3), 7(2), 18(3), табл. 4(8, 9); *Ло Фэн, Хань Кунлэ*, 1990, с. 403, 417, рис. 1(1), 2(1), 3(7), 5(1), 7(7), 11(11), 13(10), 14(2, 6), табл. 4(8); *Хаяси Минао*, 1972, прил. 2, рис. 27, 29, 31]. Биметаллический кинжал из могилы в Гуантай [*Ло Фэн, Ян Шичжун*, 1993, с. 17—18, рис. 1] датируется средним—поздним периодами эпохи Чжаньго [см.: *Кан Юнг*, 1985, р. 60, 62; *Orioli*, 1994, р. 92, 94; *Цай Цун, Сюй Сюэшу*, 1994, с. 21, 31, 32, рис. 5, 55(8, 9)]. Бронзовый нож из комплекса Мачжайцунь датируется самое позднее рубежом Западного и Восточного Чжоу [*Чэнь Чжэньчжун*, 1985, с. 76, рис. 7; *Хаяси Минао*, 1972, с. 190, рис. 276].

Эти находки вкупе с типичными для скифской эпохи предметами вооружения и украшениями, обнаруженными в комплексах с вышеуказанными копиями и псалями, относят бытование последних к VIII—IV вв. до н. э., т. е. к дохуннскому времени, что совпадает с периодом активной деятельности здесь ицьюйских жунов.

Парная костяная концевая накладка на лук длиной не менее 10.3 см (на рисунке обломана) обнаружена в типичной для памятников Нинся севернее стены Чжао-сян-вана катакомбе Юцзячжуан М17. В инвентарь погребения входили глиняный сосуд, бронзовый клевец «гэ», бронзовые пулевидный и три трехлопастных втульчатых наконечника стрел, бронзовая пряжка, бронзовые бляшки от поясного набора, бронзовые выпуклые округлые бляшки (в том числе — с петлями на лицевой стороне), бронзовый пластинчатый нож [*Чжун Кань и др.*, 1991, с. 56—58, рис. 2—4; *Чжун Кань и др.*, 1995, с. 83, 86, 87, 91, 92, 96, 101, рис. 7, 10(1), 11(7, 17, 19), 13(6), 14(2, 5), 17(1, 3), 19(5)] (рис. 6, 1—7). Клевец «гэ» из этого комплекса датируется в пределах второй половины VI-V вв. до н. э. [*Хаяси Минао*, 1972, с. 57—62].

Сложный лук длиной почти полтора метра с небольшими парными роговыми накладками на концах был обнаружен в могиле 406 могильника царства Чу под Чанша [Хунань], датирующей эпохой Чжаньго [Чанша фацзюэ баогао, 1957, с. 59—60, табл. 27] (рис. 6, 8).

Костяные накладки — концевые и срединные — являются характернейшим элементом лука «гуннского» типа, появившегося в вооружении племен степей Евразии в последние века н. э., распространение которого обычно связывают с экспансией хунну [Хазанов, 1971, с. 30—34; Савинов, 1981, с. 147—148; Худяков, Цзвэндорж, 1990, с. 126, 129—131; Чжоу Цзе, 1965]. Костяные стрелы с расщепленным насадом рассматриваются как типичные для хунну [Коновалов, 1976, с. 177]. Керамика хунну, в том числе с харак-

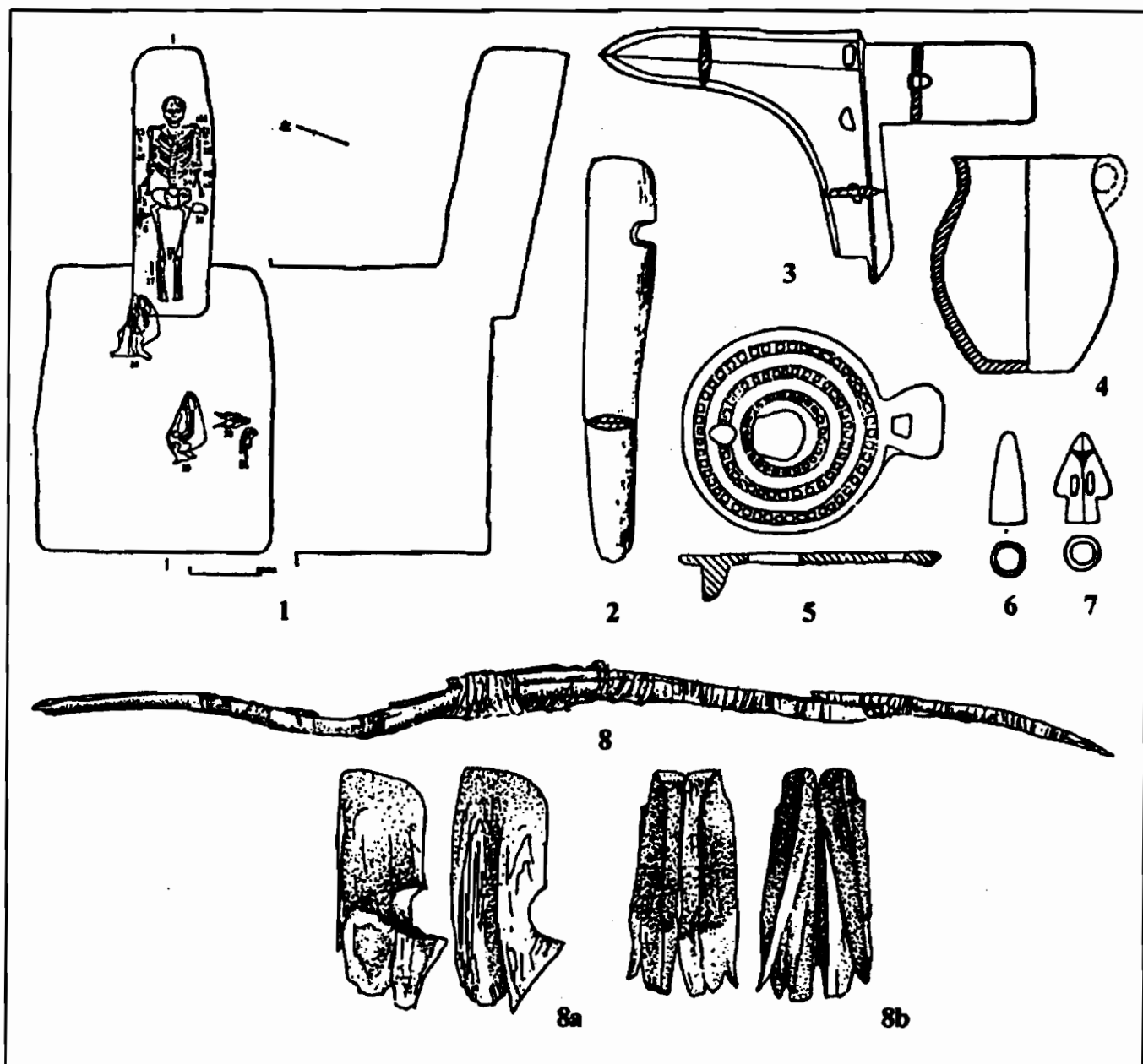

Рис. 6.

1—7 — комплексы доциньского времени с признаками влияния хунну (уезд Гуюань, Нинся), Юцзячжуан М17 [по Чжун Кань и др., 1995]; 8 — лук из М406 в Чанша (Хунань): 8а, б — роговые накладки. 2 — кость; 3, 5—7 — бронза; 4 — керамика; 8 — дерево, рог.

терным орнаментом из волнистой врезной линии, опоясывающей верхнюю часть сосуда, заключенной в поясок между двумя прочерченными параллельными линиями, традиционно считается их «этническим признаком» [Могильников, 1992, с. 263]. С. С. Миняев обратил внимание на появление в маоцингоуских комплексах керамики с таким орнаментом, однако интерпретировал этот факт как свидетельство поздней датировки этих погребений. Как он пишет, «в пользу поздней даты свидетельствует и появление сюннуских культурных традиций в поздней группе памятников Ордоса (что проявляется, в первую очередь, в орнаментации и способах обработки керамики)». По его мнению, могильник Маоцингоу оставлен лоуфанями, которые в конце III в. до н. э. попали под власть хунну и были «зафиксированы здесь (? — А. К.) и столетие спустя». «Такое предположение хорошо объясняет проявление в памятниках Ордоса (? — А. К.) сюннуских традиций и наличие сюннуских изделий при сохранении в погребальном обряде обычаев скифской эпохи», — заключает исследователь [Миняев, 1991б, с. 124]. Однако Маоцингоу, Госяньяоцзы и Инъюгоу находятся в уезде Лянчэн, близ озера Дайхай, а совсем не в Ордосе, и таким образом сведения о лоуфанях, зафиксированных в конце II в. до н. э. китайскими источниками именно на плато Ордос, не могут использоваться как аргумент для поздней датировки комплексов из этих могильников. Во-вторых, нам неизвестно время формирования «хуннуской» традиции изготовления и орнаментации керамики, мы только пытаемся найти ее истоки, и на этом пути логически недопустимо делать выводы о датировках, исходя из даты тех находок «хуннуской» керамики, которые относятся ко времени после образования империи Маодуня. В датировке комплексов Маоцингоу необходимо опираться на независимо полученные даты вещей: как по переднеазиатской линии хронологии (вещи «скифо-сибирских» типов), так и по «восточной» линии (предметы с Центральной Равнины), что нами и было показано выше.

Казалось бы, влиянием хунну можно объяснить появление в могильниках Маоцингоу и Инъюгоу могил с северной ориентировкой (Маоцингоу М1, 15, 19, 20, 21, 24, 25, 28, 40, 50, 53, 81, Инъюгоу М2, 8, 10, 12, 13, 15), некоторые из которых содержали погребение в двойной деревянной камере (Маоцингоу М25, Инъюгоу М8, М15), однако в этих погребениях не обнаружено предметов, которые могли бы быть однозначно отнесены к доциньскому времени, а инвентарь могил и особенности погребального обряда отличны от вышеописанных погребений с восточной ориентировкой, поэтому нельзя сказать, являются ли эти могилы свидетельствами присутствия здесь хунну до нашествия Маодуня [Graberkatalog, 1992; Вэй Цзянь, 1984, с. 32; Варенов, 1995а, 1995б].

Костяные концевые накладки на лук и, например, северная ориентировка не были в эпоху Чжаньго характерны исключительно для сюнну. Об этом свидетельствуют материалы могильника Пинъян в провинции Хэйлунцзян, где на 118 могил были обнаружены 52 такие накладки, подавляющее боль-

шинство погребенных ориентировано на север, но все остальные ведущие черты позднейшего погребального обряда и материальной культуры сюнну отсутствуют [*Ян Чжицзюнь и др.*, 1990]. В аналогичном погребении (M211) обнаружена костяная накладка и в могильнике Чжаньдоу [уезд Тайлай, Хэйлунцзян] [*Ли Чэньци, Чжэн Сыдэ*, 1989].

Поэтому предположение о том, что концевые накладки, обнаруженные в Нинся, свидетельствуют о присутствии здесь именно сюнну, а не какого-нибудь другого северного племени, остается только предположением, пусть даже и подкрепленным сведениями письменных источников.

В то же время стрелы с расщепленным насадом неизвестны в памятниках доциньского времени на территории современного Северного Китая. В Пиньяне, например, такие стрелы встречены только в одном погребении — Чжуанчан M121, в то время как в остальных могилах найдены черешковые костяные стрелы [*Ян Чжицзюнь и др.*, 1990, с. 96—101, 150, рис. 62 (11)].

Сочетание костяных накладок, костяных стрел с расщепленным насадом и горизонтальных волнистых линий в орнаменте сосудов, зафиксированное в могильнике Госяньяоцзы, на мой взгляд, с высочайшей вероятностью свидетельствует о присутствии здесь хунну до походов Маодуня и подтверждает сообщение Сыма Цяня о союзе сюнну и линьху при нападении на округ Дай в середине III в. до н. э.

Боровкова Л. А. Где и когда сюнну вышли на историческую арену (по материалам «Ши цзи») // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. М., 1990. Ч. 2. С. 3—12.

Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982. 329 с.

Варенов А. В. Древнее население Алтая и происхождение сюнну // Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Труды международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок), 26—30 июня 1995 г. Археология. Этнография. Новосибирск, 1995. Т. II. С. 12—15.

Варенов А. В. Скифские памятники Ордоса и происхождение сюнну // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 123—125.

Васильев К. В. Планы сражающихся царств. Исследование и перевод. М., 1968.

Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983. 326 с.

Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976. 384 с.

Заднепровский Ю. А. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н. э.—II в. н. э. в Северной Корее // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, философии, филологии. 1991. № 1. С. 53—61.

Ковалев А. А. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 1992. С. 97—100.

Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998. С. 122—131.

Ковалев А. А. О связях населения Алтая и Ордоса в V—III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75—82.

Комиссаров С. В. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988. 120 с. (История и культура Востока Азии).

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье: Погребальные памятники. Улан-Удэ, 1976.

Коновалов П. Б. О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Международная конференция (тез. докл.). I часть. Улан-Удэ, 1996. С. 58—63.

Крюков М. В. Сыма Цянь и его «исторические записки» // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Том I. Перевод с китайского и комментариев Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступительная статья М. В. Крюкова. М., 1972. С. 12—65.

Малавкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. 336 с.

Миняев С. С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии Степной Евразии. Тез. докл. Кемерово, 1987. С. 142—145.

Миняев С. С. «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Часть 2. М., 1990. С. 149—153.

Миняев С. С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108—120.

Миняев С. С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции (3—5 апреля 1991 года). Барнаул, 1991. С. 122—124.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998. 118 с., 120 л. ил. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).

Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 254—273.

Полосьмак Н. В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101—107 (История и культура Востока Азии).

Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 140—156.

Сайер Р. Предисловие // Семь военных канонов Древнего Китая. Перевод с англ. Р. В. Котенко, научный ред. доктор философских наук, профессор Е. А. Торчинов; предисловие, комментарии: Р. Д. Сайер. СПб., 1998. 336 с.

Семенов Вл. А. Монгун-Тайга. СПб., 1997.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Перевод с китайского и комментариев Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступительная статья М. В. Крюкова. М., 1972. 439 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского и комментариев Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. М., 1975. 579 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. III. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина. М., 1984. 943 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина. М., 1986. 453 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. Перевод с китайского и комментариев Р. В. Вяткина. Вступительная статья Р. В. Вяткина. М., 1987. 364 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI. Перевод с китайского и комментариев Р. В. Вяткина. М., 1992. 483 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. Перевод с китайского Р. В. Вяткина. Комментарий Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. М., 1996. 462 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам). Выпуск первый. Предисловие, перевод и комментарии В. С. Таскина. М., 1968. 176 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам). Выпуск второй. Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1973. 171 с.

У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 88—101 (История и культура Востока Азии).

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 171 с.

Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990. С. 126—131.

Чжун Сук Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 110—137.

Chavannes Ed. Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien. Vol. I—V. P. 1898—1905; Vol. VI. P. 1969.

Creel H. G. The Beginnings of Bureaucracy in China: The Origin of the Hsien // *Creel H. G.* What is Taoism and Other Studies in Chinese Cultural History. Chicago; London, 1970.

Haloun G. Zu J. J. M. de Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit // Orientalistische Literaturzeitung. Vol. 25, 1922. № 11. S. 433—438.

Haloun G. Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt. Erster Teil. Leipzig, 1926.

De Groot J. J. M. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Erster Teil. Berlin; Leipzig, 1921. 304 S.

Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T. O. Hollmann und G. W. Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein, 1992, S. 110—119 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie; Bd 50).

Kan Yong. The Bronze Culture of West Yunan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. VII, 1985. P. 47—92;

Kossack G. Dolche und Gurtelzubehor aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundferbanden // *Maoqinggou.* Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T. O. Hollmann und G. W. Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein, 1992, S. 97—109 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie; Bd 50).

Kovalev A. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // *Maoqinggou.* Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T. O. Hollmann und G. W. Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein? 1992. S. 46—87 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie. Bd 50).

Lin Yun. The Archaeological Study of Xiongnu (Hun) Origin in China // The International Academic Conference of Archæological Cultures of the Northern Chinese Ancient Nations. Huhehaote, 1992.

Minyaev S. On the Origin of the Hsiong-nu // UNESCO International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. № 9. Moscow, 1985. P. 69—78.

Minyaev S. On the Origin of Xiung-Nu // The International Academic Conference of Archaeological Cultures of the Northern Chinese Ancient Nations. Huhehaote, 1992.

Minyaev S. Archäologie des Xiongnu en Rusie: Nouvelles decouvertes et quelques problemes // *Ars Asiaticus.* T. 51, 1996. P. 5—12.

Orioli M. Pastoralism and Nomadism in South-West China: a Brief Survey of the Archaeological Evidence // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9—12 November 1992. Napoli, 1994. P. 87—108.

Psarras S.-K. Exploring the North: Non-Chinese Cultures of the Late Warring States and Han // *Monumenta Serica* 42 (1994). P. 1—125.

Psarras S.-K. Xiongnu Culture: Identification and Dating // *Central Asiatic Journal.* 39 (1995), № 1. P. 102—135.

Psarras S.-K. Pieces of Xiongnu Art // *Central Asiatic Journal.* 40 (1996), № 2. P. 234—259.

Rhi C.-S. Die Maoqinggou Kultur und ihre Zeitsellung // *Maoqinggou.* Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T. O. Hollmann und G. W. Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein, 1992. S. 28—45 // (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie; Bd 50).

Wagner M., Parzinger H. Bemerkungen zur inneren Gliederung der spatbronzezeitlichen Kultur Oberes Xiajiadian und deren Bedeutung für die südsibirische Kulturentwicklung // *Eurasia Antiqua.* Bd 4 (1998). 1999. S. 37—72.

На китайском и японском языках

Вэй Цзянь. Лянчэн Инъюгоу муцзан цинли цзянбао (Упорядоченное краткое сообщение о могильных сооружениях в Инъюгоу в уезде Лянчэн) // Нэймэнгу вэньу каогу. 1984. Т. 3. С. 26—32, 25.

Вэй Цзянь. Лянчэн Госяньяоцзы муди (Могильник Госяньяоцзы в уезде Лянчэн) // Каогу сюэбао. 1989. № 1. С. 57—81.

Гудай хань ю цыдянь (Словарь старокитайского языка) / Чэнь Фухуа — гл. ред. Пекин; Шан Уинь шугуань, 1998. 2087 с.

Гэ Шаньлинь, Лу Сысянь. Иньшань нань лу дэ Чжао чанчэн (Длинная стена царства Чжао на южных склонах гор Иньшань) // Чжунго чанчэн ици дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 21—24.

Ко ди чжи (Всеобъемлющее описание земель). Т. 1—2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. 1991. 242 с. (Сер. Цуншу цзичэн, выпуск первый).

Ли Синшэн, Хао Липин. Умэн Чжоцзы сянь Чжаньго Чжао чанчэн дяоча (Обследование длинных стен царства Чжао эпохи Чжаньго в уезде Чжоцзы аймака Уланьчабу) // Нэймэнгу вэньу каогу, 1994, № 2. С. 21—24.

Ли Чэньци, Чжэн Сыдэ. Хэйлунцзян Тайлай сянь Чжаньдоу муди фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение об исследовании могильника Чжаньдоу в уезде Тайлай, Хэйлунцзян) // Каогу. 1989. № 12. С. 1098—1102.

Линь Юнь. Гуанью Чжунго дэ дуй сюнну цзу юань дэ каогусюэ яньцзю (Касательно китайских археологических исследований происхождения племени сюнну) // Нэймэнгу вэньу каогу. 1993. № 1—2. С. 127—141.

Ло Фэн. Нинся Гуюань Шилацунь фацзюэ и цзо Чжаньго му (Могила эпохи Чжаньго в Шилацунь, уезда Гуюань, Нинся) // Каогусюэ шикань. 1983. Т. 3. С. 130—142.

Ло Фэн, Хань Кунлэ. Нинся Гуюань цзиньнянь фацзюэ дэ бэйфан си цинтунци (Ряд бронзовых изделий северного типа, обнаруженных в последние годы в округе Гуюань, Нинся) // Каогу. 1990. № 5. С. 403—418.

Ло Фэн, Ян Шичжун. 1988 иянь Гуюань чуту дэ бэйфан си цинтун ци (Бронзовые изделия северного стиля, раскопанные в Гуюани в 1988 году) // Каогу ю вэньу. 1993. № 4. С. 17—21.

Лю Дэчжэнь, Сюй Цзюньчэнь. Ганьсу Цинъян Чуньцю, Чжаньго муцзай дэ цинли (Упорядоченное описание могильных сооружений эпох Чуньцю и Чжаньго округа Цинъян, Ганьсу) // Каогу. 1988. № 5. С. 413—424.

Лю Лайчэн. Хэбэй Хуайлай Бэйсиньбао Чжаньго му (Могилы эпохи Чжаньго в Бэйсиньбао, уезда Хуайлай, Хэбэй) // Каогу. 1966. № 5. С. 231—247.

Мэн Вэньтун. Чжоу Цинь шаошу миньцзу яньцзю (Исследование национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). Шанхай, 1958. 109 с.

Мяо Вэньюань. Чжаньго ши си нянь цзи чжэн (Собранные свидетельства об истории Сражающихся царств, изложенные по годам). Чэнду, 1997. 277 с.

Ню Чэн, Ли Цзиньчжэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Янлан цинтун вэньхуа (Культура бронзового века [могильника] Янлан в уезде Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао. 1993. № 1. С. 13—56.

Оу Янь. Во го цзао ци дэ чанчэн (Длинные стены в ранний период истории нашей родины) // Бэйфан вэньу. 1987. № 2. С. 11—18.

Пэн Сичжу. Чжаньго Цинь чанчэн каоча ю яньцзю (Детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь эпохи Чжаньго). Сиань, 1990. 298 с.

Сюн Цуньжуй. Сянь Цинь сюнну цзи ци ю гуань дэ цигэ вэньти (Сюнну в доциньское время, а также некоторые имеющие касательство к этому вопросы) // Шэхуй кесюэ цзяньфан. 1981. № 1. С. 110—113.

Тянь Гуаньцзинь. Чжунго бэйфан си цинтун ци вэньхуа хэ лэйсин дэ чубу яньцзю (Предварительное исследование культур бронзового века северных районов Китая и сходных типов предметов) // Каогусюэ вэньхуа лунь цзи (Сборник статей об археологических культурах). № 4. Пекин, 1997. С. 266—307.

Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Ордосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). Пекин, 1986. 402 с., 120 л. ил.

У Энъ. Лунь сюнну каогу яньцзю чжун дэ цзигэ вэньти (Касательно некоторых вопросов в области археологических исследований сюнну) // Каогу сюэбао. 1990. № 4. С. 409—437.

У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Нинся Тунсинь Даодуньцзы сюнну муди (Могильник сюнну в Даодуньцзы уезда Тунсинь, Нинся) // Каогу сюэбао. 1988. № 3. С. 333—356.

Фэн Мэнлу. Дун Чжоу лего чжи (Описание событий в государствах эпохи Восточного Чжоу). Сиань, 1997. 1197 с.

Хань шу (Книга о династии Хань) / Бань Гу автор. Янь Шигу комм. Т. 1—12. Издание десятое. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. 4273 с.

Хаяси Минао. Тюгоку Инь-Сю цзидай-но буки (Оружие Китая эпох Инь-Чжоу). Киото, 1972.

Цай Цин, Сюй Сюэшу. Сычуань Маосянь Муту и хао шигуань му цзи пэй цзанкэн цинли цзянбао (Краткое упорядоченное сообщение о каменной гробнице № 1 и связанных с ней погребальных ямах в Муту уезда Маосянь провинции Сычуань // Вэнью. 1994. № 3. С. 1—40.

Цзан Лихэ. Чжунго гу цзинь ди мин да цидянь (Большой словарь древних и современных географических названий Китая). Шанхай, Шаньу иньшугуань. 1933. 1410 с., 365 табл.

Цзинь Фэнъи. Сяцзядянь шан цэн вэньхуа цзи ци цзуши вэньти (Культура верхнего слоя Сяцзядянь и проблема ее этнической атрибуции) // Каогу сюэбао. 1987, № 12. С. 177—208.

Цзянь Боцзань, Чэнь Шу, Сунь Юэ, Чу Миншань, Ван Гунлянь, У Хэн. Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь (Собрание записей о различных народах, сменявших друг друга). Т. 1. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. 1958. 786 с.

ЦГК — Ци го као дин бу (Исследование семи государств, исправленное и дополненное). Дун Шо (эпоха Мин) — автор, Мяо Вэньюань — исправления и дополнения. Шанхай, 1987. Издание второе. 774 с.

Чанчэн вэньхуа цзыляо цзилюэ (Сокращенное собрание письменных сообщений о длинных стенах) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 119—140.

Чанша фацзюэ Баогао (Сообщения об исследованиях в Чанша). Пекин, 1957. 174 с., ил. (Чжунго тянье каогу баогао цзи. Каогусюэ чжуанькань. Динчжун цзян эр хао. (Сборник отчетов о полевых исследованиях в Китае. Серия археологическая. Четвертый раздел, выпуск 2.)).

Чжаньго цэ (Планы сражающихся царств). / Лю Сян автор. Т. 1—3. Издание четвертое. Шанхай, Шанхай гу цзи чубаньшэ. 1995. 1390 с.

Чжоу Цзе. Гуанью у го бэй ди ци чуту ваньчжуан гу, цзяо ци дэ минчэн хэ юнту (К вопросу о наименовании и предназначении изогнутых костяных и роговых предметов, раскопанных в северо-восточных районах нашей страны) // Каогу. 1965. № 8. С. 416—419.

Чжун Кань, Хань Кундун. Нинся наньцзюнь Чуньцю Чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа (Культура бронзовых изделий эпох Чуньцю и Чжаньго в южной части Нинся) // Чжунго каогусюэ хуй дисы цынянь хуйлунь вэньцзи (Сборник материалов четвертого ежегодного конгресса Археологического общества Китая). Пекин, 1983. С. 203—213.

Чжун Кань, Чэнь Сяохуа, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Юцзячжуан муди фацзюэ цзянбао (Краткое сообщение об исследовании могильника Юцзячжуан в уезде Гуюань, Нинся) // Хуася каогу. 1991. № 3. С. 55—63.

Чжун Кань, Чэнь Сяохуа, Янь Шичжун. Нинся Пэнбу Юцзячжуан муди (Могильник Юцзячжуан в волости Пэнбу, Нинся) // Каогу сюэбао. 1995. № 1. С. 79—107.

Чжунго лиши дитуцзи (Исторический атлас Китая). В 6 томах. Шанхай, 1982.

Чжэн Шаоцзун. Хэбэй шэн Чжаньго, Цинь, Хань шици гу чанчэн хэ чэнчжан ичжи (Руины длинных стен и укрепленных линий эпох Чжаньго, Цинь, Хань в провинции Хэбэй // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 34—51.

Чжэн Шаоцзун. Люэ тань Чжаньго шици Чжуншань го дэ цзян чэн вэньти (Обзорное изложение вопросов, касающихся пограничных укреплений царства Чжуншань в период Чжаньго) // Ляохай вэнью сюэкань. 1992. № 2 (Вып. 14). С. 128—138.

Чэнь Чжэньчжун. У го гудай дэ цинтун сяодао (Кривые бронзовые ножи нашей страны в древности) // Каогу ю вэнью. 1985. № 4. С. 72—80, 83.

Чэнь Шоучжун. Ганьсу цзин нэй Цинь чанчэн ицзи дяоча цзи каочжэн (Отчет об остатках длинных стен царства Цинь в пределах Ганьсу и критическое исследование) // Сибэй шиди. 1984, № 2. С. 88—96.

Чэнь Пин. Люэлунь «шаньжун вэньхуа» дэ цзушу цзи сянгунь вэньти (Немного об этнической атрибуции «шаньжунской культуры» и связанных с этим проблемах) // Хуася каогу. 1996. № 3. С. 63—76.

Ши Няньхай. Цинь Ши-хуан чжидео ици дэ таньсуо (Разведка остатков «прямого пути» Цинь Ши-хуана) // Вэньбу. 1975. № 10. С. 44—54, 67.

Ши Няньхай. Хуанхэ чжун ю Чжаньго цзи Цинь ши чжэ чанчэн ици дэ таньсо (Исследования остатков длинных стен в среднем течении Хуанхэ, относящихся к эпохам Чжаньго и Цинь). Шэньси ши да сюэбао. 1978. № 2. С. 50—66.

Ши Няньхай. Хуанхэ чжун ю Чжаньго цзи Цинь ши чжэ чанчэн ици дэ таньсо (Исследования остатков длинных стен в среднем течении Хуанхэ, относящихся к эпохам Чжаньго и Цинь) // Чжунго чанчэн ици дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981а. С. 52—67.

Ши Няньхай. Ээрдосы гаюань дун цзюнь Чжаньго шици Цинь чанчэн ици таньсуо цзи (Записи о разведке остатков длинных стен царства Цинь периода Чжаньго в восточной части плато Ордос) // Чжунго чанчэн ици дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981а. С. 68—75, 117.

Ши цзи (Записи историка) / Сыма Цянь авт. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ комм. Т. 1—10. Изд. четырнадцатое. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. 1996. 3322 с., 56 с. прил.

Шо юань (Сад высказываний) / Лю Сян авт. Пекин, 1976? (Чжунго цзысюэ минчжу цзи чэн, 26).

Шуй цзин чжу (Речной канон с комментариями) / Ли Даюань автор. Издание третье. Чанша: Юэ Лу шуинь чубаньшэ. 1996. 597 с.

Ян Куань. Чжаньго ши (История периода Чжаньго). Шанхай, 1957.

Ян Чжицзюнь, Хао Сыдэ, Ли Чэци. Пинъян муди (Могильник Пинъян). Пекин, 1990. 257 с., ил.

Ян Шичжун. Нинся Гуюань Люпинцунь фацзюэ и цзо Дун Чжоу му (Могила эпохи Восточного Чжоу обнаружена в Люпинцунь уезда Гуюань, Нинся) // Каогу. 1992. № 5. С. 469—470.

Янь ся ду (Нижняя столица Янь]. Т. 1—2. Пекин, 1998.

М. Б. Щукин

О ПЕРВОМ ПОЯВЛЕНИИ ГОТОВ В ДУНАЙСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И НАЧАЛЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памяти Иохима Вернера

Свидетельства о первых появлениях готов на границах Римской Империи в письменных источниках весьма скупы, противоречивы и неопределенны. Состоят они в нижеследующем.

Прежде всего это, конечно, рассказ о готах, переправившихся во главе с королем Беригом с острова Скандзы в Балтийском море куда-то в район нижнего течения Вислы, воевавших здесь с ульмеругами и вандалами, а, «когда правил только пятый после Берига король Филимер», двинувшихся к юго-востоку на земли Скифии, называвшейся на их языке Ойум, к берегам Черного моря [*Jord. Get. 25—27*]. Но, как известно, эти сведения легендарные, и если нечто похожее и имело место на самом